

АТ Татьяна Люшина

Коллекция
бывших мужей

Еще раз про любовь

Татьяна Алюшина
Коллекция бывших мужей

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алюшина Т. А.

Коллекция бывших мужей / Т. А. Алюшина — «Эксмо»,
2018 — (Еще раз про любовь)

ISBN 978-5-04-091012-0

Проснувшись как-то утром, Кира обнаружила в собственной гостиной труп своего бывшего мужа, продолжительность брака с которым составляла чуть больше двух недель. Абсурднее ситуации не придумаешь, но судьба иногда оказывается весьма изобретательной, и Кире предстоит получить еще немало сюрпризов, не самым приятным из которых станет тесное общение со следственными органами и приезд ее первого бывшего мужа.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091012-0

© Алюшина Т. А., 2018
© Эксмо, 2018

Татьяна Алюшина

Коллекция бывших мужей

© Алюшина Т., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

*Светлой памяти моей бесконечно любимой мамочки
посвящается.*

Утро было недобрим.

Настолько, что хотелось от всей широты души пожелать просыпаться таким вот образом моим врагам, но даже им не каждый день, не настолько уж я кровожадна.

Врагов у меня не имелось, по крайней мере явных, о которых бы мне было доподлинно известно, поэтому посыл остался без конкретного адресата и пропал попусту.

О господи, как же хреново-то!

Лучше бы совсем не просыпаться!

Болело абсолютно все, даже не болело, а ныло эдаким нудным стоном-жалобой, и еще эта дикая слабость, какая-то такая безысходная, словно размазывающая меня по поверхности кровати, а заодно и по жизни как таковой.

О-й-й-й... Чтоб тебя...

И за каким, скажите на милость, я проснулась? Ведь так хорошо спала, практически в беспамятстве!

А проснулась я от жажды. Серьезной, солидной жажды до склеивания и высушивания всех внутренностей.

– Надо встать, – прокаркала я севшим голосом.

И осмотрелась, в удивлении обзревая свою спальню – я ли это вообще произнесла, настолько чужим показался мне собственный голос.

А вот проявление такого активного любопытства было крайне опрометчиво! Не надо было головушкой-то крутить, ой, не надо! В ней, в смысле в голове, родимой, что-то ощутило сместилось, булькнуло, выстрелило острыми иглами в разные стороны и растеклось по черепушке приступом боли.

– О-й-й-й, ё!.. – простонала я и ухватилась за головушку многострадальную обеими руками.

За что ж мне такое наказание-то, а? Ладно бы напилась накануне в хлам распоследний до тяжелой формы алкогольной абстиненции – понятны оказались бы столь плачевные последствия, да и не так обидно, к тому же честное признание самого факта, что страдаю и расплачиваюсь я за дело и полученное накануне удовольствие, примиряло бы с трудной действительностью поутру! Но полбокала шампанского – и такая вот фигня!.. Это, знаете ли, не просто обидно, это какая-то мировая несправедливость!

Ладно, хватить ныть, успею еще, а вставать все же требуется – помимо жажды явственно заявила о себе и другая, ровно противоположная, но столь же жгучая насущная необходимость расстаться с невостребованной организмом жидкостью.

Мама дорогая, как же мне встать-то?

– Поэтапно, – посоветовала я себе чужим голосом.

И приступила к осуществлению рекомендаций.

Сопровождая каждое действие стоном, вялым поругиванием, жалобами на жизнь и судьбу-злодейку, я первым делом перевернулась на бок. Полежала, пережидая, когда закончится головокружение, вызванное этим нехитрым движением.

– И какого хрена я не осталась в больнице? – попеняла я себе ворчливо. – Лежала бы спокойненько в палате, кнопочку нажала, и сестричка какая медицинская, раз и прибежала с горшком. Или как эта фигня у них там называется?

Ну, вот не осталась, дурында этакая – домой, домой все рвалась, теперь обходись без кнопочки волшебной и доброй медсестрицы с белым горшком в руке.

Самостоятельно.

Так! А самостоятельно мы сейчас ножки с кровати спустим – и-и-и, ну-ка... Ну-ка, получилось не так бодро, как предполагалось, но ножки я таки спустила с кровати. Теперь предстояло более сложное действие с непредсказуемыми последствиями – сесть...

Я набралась храбрости, сколь могла, выдохнула и, придерживаясь за края кровати, перевела свое тельце из полугоризонтальной в полувертикаль.

И пое-е-е-ехала моя головушка в путешествие, в мировое турне я бы сказала – вау-вау-вау – кружилась комната.

В голове стреляли иголки боли, во рту... – лучше даже не думать, что там у меня во рту творится, и не знать никому!

Кругоземка в голове постепенно закончилась, мне даже удалось разлепить глаза и пожелать себе мысленно успеха в следующем этапе – подъеме с кровати.

Вдохнув поглубже и жалобно-скорбно выдохнув, ухватившись одной рукой за изголовье, второй за борт кровати, я, как та птица, набралась гордости и...

И, как ни удивительно, сумела подняться с первой же попытки!

О, как!

Чувствуя себя практически олимпийской чемпионкой, ну по крайней мере определенно героиней, я сделала первый пробный шаг к двери, и ничего – шагнула! В голове булькало и кололо, от слабости дрожали руки и ноги, подгибались колени, во рту... ну это лишнее – а таки шагнула!

И так вот шаг за шагом, буквально step, как говорится в нашем английском, бау, как говорится там же, step, понимаешь ли, я пошкандыбала вперед, придерживаясь за все подряд – стены, мебель, двери, по дороге пытаюсь определиться, что в моих потребностях приоритетнее в данный исторический момент – пить или, пардоньте-с, наоборот.

Наоборот перевесило, к тому же туалет находился ближе, чем кухня по пути моего следования.

О! А там еще предстояла процедура усаживания на унитаз с последующим подниманием с него же! Тоже из разряда экстремальной утренней зарядки.

Но то ли я «расходилась» уже, то ли тельце немного приспособилось к действительности, начав свыкаться с ней – еще не смирилось, а пока только приспособлялось.

Оказавшись в кухне, я не бросилась пить, не вовремя остановленная воспоминанием о четких инструкциях и наставлениях доктора – пить как можно больше воды и вообще жидкости, а в первую утреннюю чашку, непременно теплую, добавить несколько капель лимонного сока.

Так – осмотрев от двери любимую кухню, подумала я и... развернувшись, отправилась в ванную чистить зубы – вливать в такой рот чистую воду мне казалось чистым кощунством и надругательством над организмом.

В зеркале над умывальником отразилась незнакомая дамочка со спутанными волосами, впавшими глазами с темными кругами вокруг них, пересохшими бледными губами и заострившимся носом и скулами.

Ужас какой, господи!!

Чур меня, чур!

В зеркало, старательно начищая зубы, я больше не смотрела.

Вот точно – расходилась как-то, раздвигалась, и уже чуть живей, чем ходячий труп, практически поспешила в кухню торопливым шарканьем, не забывая держаться за стены и мебель.

О, вода, да с лимончиком!! У-м-м!

Есть!! Есть-таки в жизни мгновения счастья!

Выпила две большущие кружки, испытывая наслаждение. Класс!!

Так – поставив пустую кружку на столешницу, поинтересовалась я мысленно у себя – и что дальше?

Душ! Ну, конечно, душ! Надо срочно смыть с себя всю эту слабость и вчерашние мытарства!

Сначала я просто стояла, упершись руками в стену и свесив несчастную головушку между ними, потеряв счет времени под горячими живительными струями воды, практически согласившись мысленно с тем, что существует в природе «живая» вода.

А потом все же отлепилась от стены, с большим трудом, но помылась и даже смогла, выбравшись из душа, высушить феном волосы – говорю же, чемпионка, героиня дня!

Но предательская слабость напомнила о себе, догнав, когда я вышла из ванной – под коленками вдруг стало зыбко и холодно, ножки задрожали и принялись непроизвольно подгибаться при каждом шаге, пришлось по стеночке, по стеночке, с передыханием дошкандыбать до кухни и рухнуть на стул у стола.

Я облокотилась на столешницу, свесив голову забубенную – тело мелко тряслось от накрывшего неожиданно и стремительно приступа слабости. Тряслось противно, мелко-мелко, безостановочно и как-то предательски, что ли? Вот ведь под горячим душем казалось, что жизнь наладилась, а тут эта слабость накатила, ну вот как так?

Тут мне весьма своевременно вспомнилась очередная рекомендация врача – крепкий, настоящий, лучше дорогого сорта, черный горячий чай и овсяная каша. На воде! Без сахара и без масла, только немного соли.

У меня есть прекрасная правильная до невозможности овсянка из пророщенных зерен!

Мне удалось уговорить себя подняться и заняться делом – ну, действительно, надо как-то заканчивать с этим дурацким состоянием!

И, что удивительно, пока я возилась с завтраком – варила кашу и делала себе чай, как-то на самом деле полегчало, а когда принялась есть, так и вовсе попустило ощутимо.

– Не! – почти довольной похвалилась я, шумно отхлебывая душистый горячий чаек из своей любимой большой кружки. – Правильно сделала, что из больницы слиняла! Что нам та больница, дома-то как хорошо! – И вздохнув, как довольная бабулька, повторила: – Правильно!

– Ну, что, – закончив с чайком и кашей, почувствовав робкий прилив сил, спросила я у себя куда как бодрее прежнего, я бы даже сказала: с большой долей оптимизма, – какие планы?

Сегодня планы могут быть только одни – отлеживаться, приходить в себя, пить как можно больше жидкости и восстанавливать здоровье, как настоятельно рекомендовал мне замечательный доктор Тарас Наумович Шабалин.

Ну, восстанавливать так восстанавливать – залягу с книжкой и ноутбуком в гостиной на любимом уютном диване на весь день – красота! Хоть телик смотри, щелкая каналами, хоть читай, хоть в сетях зависай, и все на законных основаниях – поправляем неожиданно и грубо подорванное здоровье.

Завтра тоже валяться буду – решила я! А что – отдыхать так отдыхать, набираться, так сказать сил, так набираться! Ничего, подчиненные справятся и без меня пару деньков. Им не впервой, а мне приятно.

Кстати, насчет подчиненных – надо бы их оповестить о неожиданном недомогании начальства. И я позвонила неизменному директору нашей сети и моей правой руке – Оксане Викторовне Истоминой, даме во всех смыслах выдающейся и необыкновенной.

– Доброе утро, Кира Андреевна, – чинно поздоровалась Оксана.

– Кому как, – не поделила ее оптимизма я.

Сообщила о своей болезни, не вдаваясь в подробности, каким именно образом ее получила, и уведомила о своем отсутствии в ближайшие два дня.

– Не беспокойтесь, Кира Андреевна, спокойно лечитесь и выздоравливайте. Вы же знаете, все будет в порядке, я прослежу, – четко пообещала она.

Вообще, Оксана Викторовна это отдельная тема – интереснейший человек и личность, и если она обещает, что за всем проследит, можно быть абсолютно уверенной: так и будет.

– Спасибо, Оксана Викторовна, – поблагодарила я искренне, но и расслабляться не дала. – Звоните, держите меня в курсе текущих дел.

– Обязательно, – пообещала повторно та и поинтересовалась, нужно ли мне что-нибудь.

А вот бог знает! Может, и нужно, я пока не соображу. Пообещала ей сообщить, если что понадобится, и с довольным сердцем отключилась.

Ну, что? Берем подушку, пледик кашемировый уютенький, книжонку – я недавно купила детективчик любимой писательницы, так за делами еще и не начала читать – вот в самый раз сейчас! И с удовольствием!

И что? – на диванчик! Хорошо!

Я распахнула дверь, сделала пару шагов в гостиную и... и словно налетела на невидимую стену – дернулась всем телом, мгновенно почувствовав, как холодная волна страха, пробежав по позвоночнику, ударила куда-то под колени, грудь одновременно ошпарило, как кипятком, а сердце, бухнув гулко, тяжело и быстро застучало. Я придушенно вякнула что-то нечленораздельное, расширенными глазами уставившись на незнакомого мужика, сидевшего в моем кресле...!!

На полноценный крик или какое высказывание в стиле «кто вы такой?» или «что вы тут делаете?», на худой конец более продуктивного «помогите!» сил у меня не обнаружилось.

ЭТО КТО ТАКОЙ?! И КАК ОН ТУТ...?! На самом-то деле!

Высокий, стройный мужик, скорее моложавый, чем возрастной, в дорожном костюме стального цвета, в великолепных ботинках от известного дизайнера, на лежавшей на подлокотнике левой руке из-под края рукава рубашки с золотой запонкой выглядывали явно настоящие швейцарские часы не менее известной во всем мире фирмы – богатый такой, упакованный дядечка.

А на его ослепительно белой, опять-таки повторяюсь: жутко дорогой рубашке, слева от дизайнерского галстука красовались две небольшие красные дырочки... – входные пулевые отверстия, вид которых вызывал большие сомнения в том, что он ответит на мои недоуменные горячие вопросы.

Может, он еще жив, трусливо подумалось мне, пока я с большим сомнением всматривалась в его бледное застывшее лицо.

– Эй! – позвала я мужика сдавленным сипом, кашлянула и добавила немного смелости в свои намерения: – Эй, мужчина, вы кто?

Мужик предсказуемо не ответил на мои слабые попытки установить контакт.

На кого-то он похож, подумалось вдруг мне? Что-то смутно знакомое, неуловимое?

Ладно, это пофиг, на кого он там похож, а вот жив ли, надо бы проверить.

– Ты что, сбрендила? – ругнулась я на себя сиплым шепотом. – Как проверить? Как-как?! И идиоту понятно, что проверить можно только одним способом...

Как сказал Сенека: «В беде следует принимать опасные решения!» Я сейчас определенно в беде, а опасное решение... Это как раз подойти к этому чуваку и что-то там на нем потрогать!

Бляха, как говорится, муха! Не хочу я его трогать!! И пошел этот Сенека вместе с этим мужиком, но...

Но я заставила себя сдвинуться с места и эдак сторожко, с замиранием и готовностью в любой момент сбежать, мелкими шажками подобралась к креслу, не сводя с лица незнакомца внимательного взгляда. Протянула медленно и нервно руку к его запястью и попробовала нащупать пульс...

Что там щупать – мужик был глухо и безнадежно мертв, причем уже несколько часов точно, поскольку успел остыть и стал... как бы это сказать: малогнущимся, что ли.

Как-то все это слишком пугало своим натурализмом!

– И какого хрена я не осталась в больнице, а?! – пискнула я, жалея себя ужасно и желая прямо сейчас, в этот момент, оказаться в каком угодно месте, кроме собственной гостиной!

Именно сейчас до меня наконец с запозданием начало доходить истинное положение дел во всей своей очевидности – и вот тут-то меня накрыло с головой!! Догнало, можно сказать, полным осознанием!! Да еще как!!

До сих пор с трупами, так сказать «натюрель», мне не приходилось сталкиваться воочию, в теории, хотя и довольно обширной, а с трупами неизвестных чуваков в собственной квартире так и подавно!!

Мне вдруг стало жутко холодно, а потом резко жарко, и неожиданно я разозлилась... да так... что новизна впечатлений произвольно вырвалась из меня в непечатных выражениях, но от души:

– ...! Йо-о-о-о...дистый калий!! – проняло меня, но не удовлетворило суррогатом крепкого русского словечка, отводящего душу, и я добавила по полной программе: – Твою ж мать!!...!!

По-хорошему, надо было поорать, может, и повизжать, истерично прижимая ладошки к губам – так, чисто по-женски, по-бабьи, – психологи и просто знающие люди утверждают, что помогает при стрессе.

– А-а-а-а... – глухо, без огонька и задора на одной низкой ноте протянула я, посматривая на мертвеца, даже не приблизившись к звонким верхним нотам настоящей добротной истерики.

И махнула рукой – не, это не наш метод – фигня. Визжать не стану – бесполезняк пытаться – никогда не умела и не стоит начинать. К тому же на меня, видимо, напал, как его там, этот... – ступор, наверное.

Или невидимо. Или не напал и обошлось? Или после экспрессивного высказывания меня попустило немного?

– Да господи, о чем я думаю?! – скривилась я от собственной заторможенности и ерунды, которая лезла в голову, посмотрела повнимательней на мужика убиенного и задумчиво спросила молчаливого оппонента: – Кого же ты мне все-таки напоминаешь, удачливый ты наш? И как ты, черт тебя возьми, здесь вообще образовался?!

Хороший вопрос, неплохо бы найти кого-нибудь, кто дал бы на него доходчивый ответ. А сейчас... Я тяжело вздохнула, доставая телефон, и проворчала:

– А сейчас неизбежное: звонок в полицию, – и набрала экстренный номер.

Что-то щелкало-переключалось в трубке, потом пошли длинные гудки, всего парочка штук, и мне ответили, четким мужским голосом уведомив, что я звоню в какой-то там общий

центр или еще что, мне в тот момент непонятное, но таки в полицию, это мой мозг зафиксировал отчетливо. Затем в трубке представились и поинтересовались, что у меня произошло.

– У меня труп, – громко и тяжело вздохнув, призналась я.

– Где у вас труп? – почти нежно спросил человек на том конце.

– В моей квартире, – объяснила я и для ясности добавила: – В кресле.

– Кто-то из ваших родственников? – мягко задавал мне вопросы мужской голос.

– Нет.

– Из друзей или знакомых?

– Нет. Этого человека я не знаю.

Мужик помолчал пару секунд.

– Вы уверены, что человек умер, может, он потерял сознание и ему требуется помощь? – несколько подрастеряв спокойные и нежные интонации в голосе, более напряженно спросил он.

– Это вряд ли, – с сомнением еще разок глянув на мужика в кресле, ответила я. – Он уже холодный.

– То есть вы хотите сказать, что у вас в квартире умер совершенно неизвестный вам человек?

– Вы правильно меня поняли, – подтвердила я.

– И как он оказался у вас дома?

– Понятия не имею, – как на духу призналась я почти весело.

– Понятно, – произнес товарищ сухо и задал следующий вопрос: – Возможная причина смерти?

– Подозреваю, что две пули, грамм по девять, в область сердца.

Чувак в трубке явно сбился с доброжелательного терпеливого тона, помолчал, может, обдумывая, не спросить ли меня напрямую, не я ли укокошила неизвестного гостя, но спросил он о другом:

– Кроме вас в квартире кто-то еще есть?

– Нет.

Удержавшись от прямого вопроса о моей причастности к убийству, мужчина дежурно спросил мой адрес и имя-фамилию. Затем уже совсем отстраненным тоном велел ждать оперативную группу, которая скоро приедет, и напомнил, чтобы я ничего не трогала.

Ну, это мы и сами не дураки, знаем. Да и что тут трогать?

И в свете этой новой свежей мысли я окинула уже осмысленным взглядом комнату.

Оказалось, что с выводами я поспешила – трогать было явно чего! Во-первых, на диване, возле которого стояло кресло с погибшим во цвете лет гражданином, лежал пистолет. А во-вторых, на журнальном столике стоял пузатый бокал с остатками недопитого коньяка, открытая бутылка дорогого коньяка, тарелка с фруктами, орехами и тарелка с нарезанным сыром.

Ни фиги себе!! Что за номера такие?!

И тут до меня дошло окончательно и безысходно, что этот труп – тьфу, ты – мужик! Мужик, пока он еще не был трупом, каким-то образом оказался в моей квартире!! И судя по его одежде, он не по стенке лез, как ниндзя какой российского разлива, и не через окно входил!! И не один, а в паре с тем, кто в него стрелял!!

Да и эти их посиделки застольные, это что такое вообще?!

Что они вот так пришли спокойненько, как к себе домой, поляну нехитрую накрыли на моих тарелках и пили коньячок из моих рюмок – второй рюмки хоть и нет, но след от ее ножки явный имеется, видимо, пролил немного мимо бокала, и что они вот так сидели, что ли, и о чем-то беседовали?!

В МОЕМ ДОМЕ?!

Как в своем?! Кстати, никакого коньяка и этих фруктов-орехов у меня не было, да и сыра такого тоже!

И тут, забыв о своем тяжком недомогании и изматывающей слабости, я рванула с высокого старта в кухню и распахнула дверцу холодильника и...

Ох-ре-неть!! Вон кусок сыра НЕ МОЙ!

И фрукты разные в нескольких пакетах – тоже не мои!!

Да что ж такое творится-то, а?!

– Так, стоп! – сказала я себе самым своим жестким тоном и повторила: – Стоп!! Я сейчас все равно ничего не смогу понять и ни в чем не смогу разобраться. Пусть менты думают, это их работа, а мне надо... – и словно пришла в себя, как опомнилась. – А что мне надо-то?

Для начала не мешало бы переодеться – сообразила я, осмотрев на себе домашний спортивный костюмчик. И причесаться. И привести себя хоть в какой-то божеский вид. Насколько мне известно, растянется вся эта бодяга с полицией на долгие часы. Надо бы подготовиться.

И еще хорошо бы чего-нибудь съесть – я когда сильно нервничаю, всегда есть хочу. И кофе бы выпила, наплевать, что доктор запретил.

Трупы находить у себя в гостиной мне тоже как-то никто не разрешал, а поди ж ты, вон сидит себе как ни в чем не бывало!

А я тут нервничать должна!

И я отправилась заниматься насущными делами.

Как ни странно, но полиция явилась довольно оперативно. Я только что и успела переодеться в джинсы и блузку, причесаться и стянуть волосы в хвост резинкой. Посмотрела на отражение в зеркало – темные круги под глазами не исчезли, и общий болезненный вид еще присутствовал некими намеками, но кожа немного порозовела, желтизна с висков сошла, и вообще я поживей как-то выглядеть стала, по крайней мере, значительно лучше мужика в гостиной.

Странно, но я поймала себя на мысли, что как-то не истерю и не переживаю по поводу смерти этого незнакомца, да и в общем и целом мертвец этот как таковой меня не особо-то и пугал – первую реакцию можно не принимать в расчет: тот страх и шок были следствием неожиданности.

В данный момент меня куда больше беспокоил и интересовал другой вопрос – какая падла (простите мне мой изысканный французский) шарилась так бесцеремонно в моем доме и с какой целью так злодейски в нем «нагадила»!!

От этих мыслей меня и отвлек звонок в дверь.

Ни выпить кофе, ни перекусить я так и не успела. А это, хочу я вам сказать, может сильно отразиться на моем настроении.

Первыми, как и положено, для проверки вызова явилась легкая кавалерия в лице местного участкового в сопровождении двух патрульно-постовых молодцев-полицейских, маячивших у него за спиной.

– Юдина Кира Андреевна? – спросил невысокий, коренастый мужичок в форме.

– Да, – призналась я.

– Старший лейтенант Ухов, – представился скороговоркой он, предъявив мне мельком свое удостоверение, и пояснил: – Участковый вашего района. – Спрятал удостоверение в карман кителя и спросил: – Полицию вызывали?

– Вызывала, – не стала отказываться я.

– У вас труп? – спросил с сомнением Ухов, внимательно разглядывая меня.

– Теперь у вас, – не порадовала я его, делая шаг в сторону и пропуская старлея и парней пэпээсников в квартиру.

Провела их в комнату и предъявила труп. Участковый крякнул, матюкнулся тихонечко и, выразительно глянув на меня с большим смыслом и намеком, тяжело вздохнув, позвонил куда надо и сообщил, что у дамочки таки не глюки и бред, и труп в наличии все ж таки имеется.

Минут через двадцать в мою квартиру стал прибывать и прибывать народ. Первым появился следователь уголовки, которого занявшие пост у распахнутых входных дверей постовые направили ко мне в комнату.

– Уголовный розыск. Старший оперуполномоченный капитан Марчук Сергей Дмитриевич, – представился он и продемонстрировал удостоверение.

«Принимала» я представителей власти, устроившись в кабинете за дедовским огромным дубовым столом. Удостоверение капитана я тщательно изучила, указала рукой на кресло, стоявшее с другой стороны стола, приглашая присесть, и принялась беспардонно рассматривать следака, с которым, как я подозреваю, мне предстоит провести ближайшие несколько часов в не самой приятной беседе.

На замученного работой и низкой зарплатой капитан Марчук не был похож и отдаленно, но и на бодрячка румяного тоже – типичный мент с острым цепким взглядом, с обманчиво простецкой и где-то даже добродушной внешностью обыкновенного парня, лет чуть более тридцати, одет, кстати, не в какое-то затрапезное шмотье, а во вполне фирменные марки, не высшего, понятное дело, модельерного ряда, но и отнюдь не китайские подделки – средней стоимости ценник и вполне ощутимой, между прочим – настоящие джинсы мирового бренда, футболка и льняной пиджак в ту же тему, ну и мокасины.

Что, кстати, добавляло некоторые детали к тому, что я о нем уже поняла, уж я-то очень хорошо знаю, сколько и как зарабатывают наши полисмены. Так получилось, что знаю.

Не об этом сейчас.

Он было собрался задавать вопросы, но его прервало появление новых персонажей – группы экспертов-криминалистов. А следом за ними и следователя прокуратуры в форменном облачении, и еще кого-то – я уточнять не стала, кто пришел, но квартира моя наполнилась народом и гудела голосами, как растревоженный улей.

Оба следака – уголовки и прокурорский – сходили «посмотреть» на труп, поговорили о чем-то с бригадой, вернулись ко мне в кабинет, и началось!

Они задавали вопросы, я отвечала.

Было совершенно очевидно, что оба эти мужика не верят мне ни на полкопейки, для себя они уже четко определились и решили, что уколошила пострадавшего, разумеется, я сама, а потом придумала сказочку для ментов про мифического злодея, каким-то образом проникшего в мою квартиру и застрелившего якобы незнакомого мне человека. Они настолько были уверены в этой версии, что даже не скрывали своего отношения ко мне, саркастически хмыкая, переглядывались со значением и почти весело посматривали на меня, забыв задать в общем-то самый главный вопрос в такой ситуации.

Просто тупо проигнорировав его очевидность, стопудово уверенные, что дело уже раскрыто. Да красота, кто бы спорил! Труп и убийца рядышком – и вот тебе повышение раскрываемости по горячим следам!

Нет, не спорю, мужиков вполне можно понять – ясный, как говорится, пень, что я оказалась подозреваемой номер один, ну а как? У вас в доме – не приведи господь, конечно, – тюкнул кого-нибудь, а вы что, не при делах останетесь?

Вот и я при делах, а куда деваться.

И дураку понятно, что якобы мистический и непонятный «некто», который опять-таки же якобы застрелил мужика, это попытка главной подозреваемой запутать следствие и избежать наказания.

Только мальчишки несколько увлеклись очевидной для них легкостью решения, как мне кажется.

Вернее, как я понимаю и вижу ситуацию.

Следователь прокуратуры давно удалился в комнату протоколировать оперативные действия, предоставив следователю уголовного розыска самому вести допрос подозреваемой, то бишь меня.

Вопросы из капитана Марчука сыпались бесконечно, и мне приходилось подробно и нудно на них отвечать. Периодически следователь смотрел на меня сурово, и я отчетливо понимала, что он меркует там себе в замученном работой мозге, как бы поскорей закончить с этим делом и подвести дамочку, то есть меня, под четкое обвинение, желательно с твердой доказательной базой, а совсем шоколадно – с чистосердечным признанием.

Извини, Сергей Дмитриевич, улыбалась я мысленно, но ничем в данном вопросе помочь не могу.

– Значит, вы утверждаете, что не знакомы с потерпевшим? – в сто, наверное, пятнадцатый раз спрашивал он.

Про сто какой-то там раз я, конечно, загнула, но раз десятый, это уж точно!

– Нет, не знакома, – подтвердила я в десятый – сто пятнадцатый раз, но на этот самый раз дала легкую слабинку и чуть помедлила с ответом, задумавшись.

За эту слабинку он тут же и зацепился – профессионал все-таки, хоть и лажает немного, ну это-то понятно – любой следователь постарается отделаться от дела как можно быстрее, а тут такой подарок – подозреваемая на блюдечке с пресловутой каемочкой!

И все же он еще тот сыскарь – зацепился за небольшую заминку! Да, молодец!

– О чем вы подумали? Может, вспомнили гражданина? – Он весь подобрался, как гончая при звуке охотничьего рожка.

– Не вспомнила, – не порадовала я Сергея Дмитриевича, но честно призналась: – Он мне показался не то смутно знакомым, не то похожим на кого-то. Не пойму, но что-то есть определенно. А уловить не могу.

– А вы подумайте, подумайте, – ворчливо рекомендовал он.

– Я подумаю, – пообещала я.

– Продолжим, – поглядывая в листы протокола, устало распорядился Марчук. – Итак. На входной двери отсутствуют следы взлома, значит, ее открыли ключами. Вы утверждаете, что ключей имеется четыре комплекта: один принадлежит вам, второй вашей бабушке, которая живет за городом и оттуда не выезжает, третьи у вашей тетки, которая в данный момент проживает с Испании со своим мужем и ближайшние полгода в страну не въезжала, и четвертые запасные, которые находились в квартире и которые вы мне выдали. Также вы утверждаете, что никто из вас троих ключей не терял. – Посмотрел он на меня выжидательно: – Так?

– Так, – подтвердила я и напомнила: – Вы сами звонили бабушке и Альбине в Испанию, и они подтвердили вам наличие ключей.

– Ну, это еще проверить надо, – пробурчал капитан и снова просмотрел что-то в протоколе. – Продолжим. Итак, – повторил он свое излюбленное словцо. – Следовательно, вы настаиваете, что как минимум двое человек проникли в вашу квартиру, принесли с собой коньяк, фрукты, сыр и орехи. Они накрыли стол в гостиной, выпивали какое-то время, потом один из неизвестных застрелил второго и ушел, тщательно закрыв за собой дверь на все замки. При этом вы настаиваете, что не имеете врагов и вам никто не угрожал, никаких конфликтов и неприятностей как в бизнесе, так и в личной жизни у вас не происходило и потерпевшего вы в глаза не видели? – Он посмотрел на меня и спросил так душевно, как у хронически невменяемой больной: – Вам не кажется это бредом, Кира Андреевна?

– Кажется, – честно призналась я и спросила его в свою очередь с самым заинтересованным видом: – А вам?

– Вот и мне видится это маловероятным, Кира Андреевна, – посочувствовал он мне и продолжил допрос: – Итак. Вы осмотрели квартиру и утверждаете, что ничего ценного не пропало и все вещи находятся на своих местах? Так?

– Так, Сергей Дмитриевич, – кивнула я и перехватила инициативу. – Также я сообщила вам, что в доме имеются ценные вещи, антикварные предметы мебели, приобретенные еще моим дедом в незапамятные времена, фарфор, что собирала бабушка, совсем немного столового серебра. Ну и остальное, если можно считать это ценностями: телевизор, компьютер...

– Последней модели, с некоторыми усовершенствованиями и модернизацией, – вставил едкое уточнение Марчук.

– Верно, с ними, – кивнула я, не дав себя сбить с мысли. – Ноутбук и различные гаджеты на месте. Все остальные ценности, а с ними документы и важные бумаги я храню в банковской ячейке. Из драгоценностей в доме имеется только авторской работы кольцо белого золота с брильянтами и изумрудами, которое всегда при мне, и мой православный нательный крест. Никаких иных драгоценностей здесь не держу. Ну и, пожалуй, несколько пар моей обуви и штуки три дамских сумочки, весьма немаленькой стоимости, но все это добро в целостности и сохранности.

– Да-а-а, – протянул Сергей Дмитриевич, рассматривая меня с особым познавательным интересом. – Странная вы девушка. Загадочная. Ни одного документа в квартире не держите, вон, даже паспорт свой храните в сейфе, в кабинете, – он указал кивком головы на серьезный сейф, из которого я доставала паспорт, когда мы приступили к, так сказать, беседе, – а с собой носите ксерокопию. Откуда такая осторожность?

– Не осторожность, а осмотрительность, – пояснила я. – Меня так дедушка воспитывал.

– Молодец дедушка, – похвалил следователь и неожиданно резко спросил, уставившись на меня цепким взглядом: – Не хотите ни в чем признаться, Кира Андреевна? Поверьте, для вас так будет лучше.

– Нет, Сергей Дмитриевич, – мягко ответила я, улыбнувшись. – Признаваться не хочу. Да и не в чем.

Он помолчал, рассматривая меня с каким-то особым вниманием, что-то там напряженно обдумывая, вздохнул и собрался было задать очередной вопрос, но его перебил вошедший в кухню криминалист:

– Время смерти приблизительно с часу до двух ночи. Точнее скажу после вскрытия.

Сказав это, мужик посмотрел на меня отчего-то веселым взглядом, с большим познавательным интересом, и вдруг хмыкнул, крутнул головой, улыбаясь, и эдак ласково спросил:

– За что ж его так приголубили-то?

– Кто ж знает? – приподняв плечи и разведя руки в стороны жестом неопределенности, в тон ему ответила я. – Не участвовала. Меня тут не было.

– То есть как это не было? – поперхнулся от неожиданности капитан Марчук, чуть не подскочив на месте.

Вся расслабленность, напускная снисходительность и некая жалостливая благодать в мой адрес в одно мгновение слетели с него, словно искусственный загар под горячей водой, и он вперился в меня цепким взглядом, спросив с некой осторожностью: – А где вы, Кира Андреевна, находились между часом и двумя ночи?

«Ну что, капитан, – подумала я, даже как-то слегка жалея его, – расслабился ты раньше времени, такой ляп допустил непростительный для сыскаря твоего уровня – не поинтересовался первым делом у подозреваемой, где она находилась этой ночью».

Сглупил. Явно. Бывает.

– В больнице, – как на духу призналась я, глядя на него преданным взглядом наивной Красной Шапочки.

– В какой больнице? – возмутился Сергей Дмитриевич.

– В центральной областной, – проговорила я тем же Шапочкиным тоном.

– А что ж вы раньше не сказали? – Он едва не плакал от досады.

Ну, не плакал, не плакал, это я уж так приукрасила немного, от легкой формы злорадства, но расстроился капитан сильно. А вот нечего тут было выпендриваться и переглядываться с прокурорским!

Ишь, деятели! Нашли они, понимаешь ли, убийцу, не отходя от кассы.

Имею полное право теперь поерничать от души.

Хотя бы мысленно. Но имею!

– Так вы не спрашивали! – ответила Красная Шапочка Серому Волку, хлопнув пару раз доверчиво ресницами.

– М-м-м-да... – протянул криминалист, все это время наблюдавший за нами, и тихо удалился из кухни.

– Это же меняет всю картину... – досадовал капитан до легкого зубовного скрежета, но сумел справиться с эмоциями, а вот от ворчания все ж не удержался. – Вы должны были об этом заявить в первую очередь! Это же в ваших интересах!

– Только что вы утверждали, что в моих интересах сделать признание в убийстве, – напомнила я ему и изобразила удивление. – И почему это я должна? – Я не собиралась облегчать его следовательскую жизнь и потакать его промахам. – Я потерпевшая, нахожусь в ужасном стрессе и шоке и вообще плохо соображаю из-за такого кошмара, а вы для того и следователь, чтобы задавать правильные вопросы. Думаю, даже вы, при всем вашем опыте, если бы обнаружили в своей квартире мертвеца, тоже сильно расстроились бы и нервничали, Сергей Дмитриевич. А я обычный человек, и раньше мне не доводилось видеть трупы, а тем более находить их у себя в квартире, – позволила я себе немного отчитать его и все же пояснила: – К тому же вчера ночью со мной случилась ужасная неприятность, и в данный момент я должна была все еще находиться в больничной палате, поскольку серьезно пострадала, но оставаться в больнице не хотелось. Дома лучше, и все такое про стены, что помогают. Но чувствовала я себя утром просто ужасно, мне с трудом удалось вообще дойти до кухни, чтобы попить воды. А тут еще и такое происшествие... – я развела руками с трагической миной, – ... сами понимаете.

– Стены ей... – проворчал тихонько он и еще тише выматерился сквозь зубы, притянул к себе пачку протоколов, вздохнул тягостно и приступил к новой порции расспросов: – Так. И что с вами эдакое страшное приключилось, что вы в больницу попали, Кира Андреевна? Случилось со мной вообще-то нечто не очень понятное мне самой.

Родилась я и жила в Москве, столице нашей родины, но наша семья происходит из провинциального города, и все детство, каждый год, практически на целое лето меня отправляли туда к бабушке.

Считалось, что здесь лучше экология, да и жили мы не в самом городе, а на даче. На прекрасной даче, в великолепном месте. Так что про экологию и оздоровление ребенка на природе все верно, не прикопаешься.

Чуть больше десяти лет назад сюда, на свою малую, так сказать, родину, из Москвы вернулась жить моя тетушка Альбина. И не просто так приехала, а занялась бизнесом, открыв сеть кофеен с уклоном в домашнюю выпечку. И так увлеклась этим делом, что все у нее получилось. Ее кафе пользовались постоянным спросом и обросли своими преданными клиентами.

Около года назад я приняла решение уехать из Москвы, думала на время, а получилось, пожалуй, что и навсегда, определилось это недавно. Но мне здесь нравится – намного спокойнее, чем в столице, и люди другие.

Да и сам город.

Большой областной центр, старинный город с героической историей, с великолепными древними постройками, соборами и монастырями, утопающий в зелени парков, с толпами туристов – что, кстати, весьма способствует нашему семейному бизнесу: ценничек-то у нас не сказать, что скромный, повыше среднего будет, зато качество...

Отвлеклась.

Словом, люблю я этот город. Помимо процветающей историко-туристической отрасли тут и производства федерального значения, и даже экспериментальные имеются. Да много чем славен на всю страну и за границу город и область, которую он венчает.

Суть не в этом. Я могу долго расхваливать его прелести и приводить аргументы в пользу принятого год назад решения перебраться сюда.

Хватит и того, что на сегодняшний день я тут живу.

Так вот. Тетка моя, Альбина, любимая мной до невозможности, первым делом по моему прибытию в город с большим удовольствием перевалила на меня все дела по бизнесу, сама же предпочла вести переговоры с поставщиками и ездить на всевозможные семинары и форумы по проблемам малого бизнеса и более прикладным по вопросам поставок и качества продуктов. На одном из форумов-выставок она и познакомилась с Мартинесом – предпринимателем из Испании, фермером и производителем сельскохозяйственных продуктов.

Уж какая у них там любовь случилась, не берусь судить – с первого ли взгляда или с восьмого, но произошла. Мартинес, немного говоривший по-русски, сделал Альбине официальное предложение и даже официально просил ее руки у деда. Дед, разумеется, навел о женихе справки и только после этого дал свое согласие. Мужик ему понравился.

Тетушка и испанец поженились в нашем русском загсе и повторили процедуру в испанском посольстве, все чин по чину. Тетя передала мне все дела, сделав меня совладелицей бизнеса. Теперь нас стало трое – она, бабушка и я. Затем тетя Альбина укатила с мужем по месту его постоянного проживания.

Общаемся часто, естественно, по скайпу, и я бесконечно за нее радуюсь: тетя счастлива, довольна и все еще пребывает в восторге от своей семейной жизни. Умудрилась выучить испанский и подружиться со всей многочисленной родней мужа.

А мне достался бизнес, теткин здоровенный, как танк, джип и эта квартира. Бабуля давным-давно переселилась жить за город, где дед для нее перестроил нашу дачу в настоящую усадьбу с небольшим парком вокруг.

И никакой иной жизни бабуля не представляет и даже в мыслях не допускает выезжать в город хоть за какой надобностью.

И слава богу! Жить и общаться с моей бабушкой практически невозможно – это даже не характер, это вселенский кошмар какой-то!

Когда я сюда приехала, то обнаружила, что оказалась в некоем коммуникативном вакууме – в том смысле, что все мои друзья и подруги, связи и знакомства остались в Москве, а здесь я тесно общалась только с Альбиной, ее друзьями и персоналом кафе нашей сети.

Но эта проблема довольно быстро решилась, перекрыв любой дефицит общения, я бы сказала, даже с большим перебором. Однажды я встретила Валерию, девочку, с которой очень дружила в детстве, дочь наших соседей по даче, так же, как и я, «высылаемую» на все лето в дачный поселок к бабушке с дедом.

Мы обоюдно искренне обрадовались встрече и, устроившись в кафе, проболтали несколько часов подряд, вспоминая наше веселое детство. В разговоре выяснилось, что, оказывается, из всей нашей дачной компании-банды никто не уехал за лучшей долей ни в столицу, ни за границу, предпочтя родной город, они поддерживают тесные контакты, продолжают дружить до сих пор и частенько встречаются. Лера тут же обзвонила всех и, немного добавив интриги: «Ты не представляешь, с кем я сейчас сижу в кафе!...» – объявила о моем приезде и назначила общий сбор.

И как-то легко и просто, без неудобства и неловкости, всегда возникающей между людьми, долго не видевшимися, а с большой даже радостью мы возобновили нашу детскую дружбу, хотя, понятное дело, все выросли, изменились и изменилось очень многое и в нас, и в нашей жизни.

Вся наша компашка: Валерия Макарова, Лена Кротова, Женя Лунева – мы все ровесницы, а вот мальчишки: Миша Бажов и Вовка Иванцов – старше нас на два года, да еще к нам присоединилась Мишина жена Вика.

Понятное дело, что ни о какой особой душевной близости и любви речи не идет, ну, может, кто-то из ребят думал иначе, не берусь судить, но по-настоящему теплые дружеские отношения у нас все же сложились. Тем более основанные на крепкой детской дружбе, прошедшей многочисленные испытания и на слабо, и на преданность.

Это все к чему? А к тому самому – к вчерашнему вечеру.

Вчера у Лены Кротовой случился юбилей – тридцать лет. Она заранее оповестила всех друзей, что собирается отмечать событие с особым размахом – не хухры-мухры, когда тебе четвертый десяток пошел!

Размах намечалось осуществлять в одном шикарном ресторане, и он, надо честно признать, удался!

Ленка даже аниматора наняла, который вел вечер и все выдергивал гостей из-за стола для участия в каких-то играх, розыгрышах и соревнованиях. Большинство гостей, заметно хмелея по ходу застолья, с нарастающим энтузиазмом принимали в них участие.

Словом, юбилей шумел по полной – и песни мы в караоке пели, и танцы всяческие танцевали, и поздравляли юбиляршу на все лады...

Пить алкогольные напитки я не люблю.

Ну, вот не люблю. Не по какой-то особой причине – ничего такого: здоровье мое усугублять себя вполне позволяло и отторжения тяжелого не наблюдалось. Раньше я могла спокойно выпивать до ощутимого опьянения. Честно признаюсь, в пресловутый драбадан или зюзю, или еще как это в народе любовно называется, я напилась один-единственный раз. Ощущения незабываемые словила. И запомнила.

Но последние несколько лет мне все меньше и меньше нравится выпивать – лишь до очень легкой приятной стадии даже не опьянения, а скорее некой расслабленности, когда ощущаешь весь букет вина – не больше одного бокала. И этот бокал я могу растягивать на часы застолья. А крепкие напитки я и вовсе не употребляю.

Я как-то раз поймала себя на мысли, что меня стало реально раздражать состояние, когда я начинаю хуже и медленнее соображать, и уж тем более перестаю, пусть и частично, себя контролировать.

Поэтому на Ленкином юбилее, не самым скромным образом поинтересовавшись у официантов, какие вина они будут подавать к столу, я решила ограничиться бокалом шампанского.

Не то. Ну, такая я вот привереда, но согласитесь: коль уж практически не пьешь, то когда все же сподобилась, следует выбирать нечто действительно достойное, чтобы получить настоящее удовольствие.

Но, к сожалению, шампанское тоже не порадовало качеством, хоть и было весьма недурно и довольно дорогой марки, что странно, отчего-то горчило. И вот я мусолила и мусолила неполный бокал пару часов, зорко наблюдая за тем, чтобы мне больше не подливали.

Зато отдала должное подаваемым блюдам.

Все понемножку попробовала. Ни к чему не придралась – вот что хорошо, то хорошо! Ничего не добавишь. Кухня этого ресторана отличалась изысканностью и славилась высоким уровнем качества.

Однако танцую в один из перерывов между тостами и поздравлениями, я вдруг почувствовала, что мне как-то нехорошо, и поспешила в дамскую комнату.

Пока я до нее добиралась через пьяненький танцующий народ, мне становилось все хуже и хуже. И в результате я практически бегом влетела в туалет, заскочила в кабинку, склонилась над унитазом, и меня долго и мучительно выворачивало наизнанку.

Совершенно обессиленная, я дотащила от кабинки к умывальнику, посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась – лицо как белая маска актеров японского театра кабуки – губы слились цветом с кожей лица, глаза лихорадочно горят, руки дрожат, все тело трясется, как от холода.

Ничего себе! Это чем же я так отравилась?

Зацикливаться на данном вопросе я не стала по простой причине, что без толку. Тут на мое счастье в туалет влетела разгоряченная танцем Женька, увидела меня и ахнула:

– Кирка, что с тобой? На тебе лица нет!

– Перебрала немного, – отделалась я самым простым из возможных объяснений и попросила: – Женьк, принеси мне мою сумочку, пожалуйста. Я такси вызову и домой потихому уеду. А то мне как-то фигово.

– Сейчас, сейчас! – заторопилась Женька и выбежала из туалетной комнаты.

А я принялась умываться. Подруга вернулась очень быстро, да не одна, а с юбиляршей.

– Кирочка, что с тобой? – обеспокоенно спросила Лена и обняла меня за плечи.

– Перебрала немного, – повторила я первоначальную версию. – Лен, ты не обижайся, я по-тихому домой поеду. Ладно?

– Конечно, конечно! – уверила меня со всем энтузиазмом Лена. – Я сейчас сама тебе такси вызову и посажу.

И она, выхватив из кармана своего великолепного брючного костюма смартфон, принялась торопливо набирать на нем номер. Женьку Лена отправила назад в зал, а сама пошла провожать меня на улицу, поддерживая под локоток и давая всяческие рекомендации:

– Как приедешь, выпей горячего крепкого чаю с сахаром. Не кофе. От кофе только хуже станет. И в душ не лезь, может еще сильнее развезти. Лучше чаю побольше и спать ложись.

– Угу, – промычала я, устраиваясь в такси.

Лена наклонилась к водителю и еще раз повторила ему адрес доставки моего тела. Тот кивнул и понимающе усмехнулся.

Не успели мы отъехать, как меня скрутило просто-таки адским приступом – от сильной рези в желудке и непроизвольно застонав, сложились пополам, прижав руки к животу.

– Девушка, вам плохо? – забеспокоился водила, посмотрев на меня в зеркало заднего вида.

– Плохо, – простонала я.

– Перебрали, что ли? – еще больше обеспокоился он и быстренько предложил: – Может, остановиться? В том смысле, если вас тошнит?

– Я не пила, – прохрипела я, – но, видимо, что-то съела...

Желудок закрутило новым острым приступом боли, мне стало жутко холодно, тело вдруг в один момент покрылось липкой испариной, в глазах потемнело, онемели пальцы на ногах и руках, и мне показалось, что я умираю.

Со всей четкостью и ясностью я подумала: «Вот сейчас я умру».

– Отве... – начала хрипеть я, испугавшись, что водила меня не услышит и не поймет, – ...зите меня... в больницу...

– Да врубился я!! Везу уже! – в легкой степени паники почти прокричал таксист и попросил: – Ты там держись!

– Держусь... – прохрипела я, теряя сознание.

Дальнейшее помню смутно. Кажется, таксист вынес меня на руках из такси и бегом понесся к приемному отделению, что-то крича на ходу. Потом я почувствовала спиной холодную поверхность каталки, меня куда-то привезли и переложили. Я еще умудрялась отвечать на вопросы, которые задавал какой-то голос издалека. Потом почувствовала, как меня раздевают, и отключилась.

И лучше бы я не приходила в себя вообще!!

Потому что очнулась я в аду – меня держали жесткой рукой за подбородок и совали в рот какую-то штуку. Я давилась, пыталась сопротивляться, сцепить зубы, но выяснилось, что сомкнуть зубы мешает какая-то фигня между ними, а дергаться не дают чьи-то руки, державшие меня за ноги.

– Прекрати немедленно!! – гаркнул доктор самым грозным командирским тоном, и я тут же замерла, а он пояснил: – Нам надо тебя промыть! Терпи!

И я терпела! Да что терпела!!

Промывали меня несколько раз – то есть сначала вливали какой-то раствор напрямую в желудок через трубку, после складывали пополам и заставляли все это выдать обратно! А потом еще и клизму засадили!!

Здоровую, собака! Не тебе домашнее баловство в литра полтора!

Натерпелась я...!! Кошмар полный и безнадежный!

Но через часа полтора откровенных пыток я оказалась под капельницей на больничной койке и обессиленно вырубилась. А когда очнулась, увидела, что капельницу уже сняли и даже штатив унесли. Прислушавшись к своему состоянию, я с удивлением обнаружила, что чувствую себя вполне сносно и даже легкость в теле образовалась необычайная.

Ободренная своим состоянием, я села на койке, снова прислушалась к ощущениям и смело поднялась.

Не сказать, что я представляла из себя веселого бодрячка и вполне здорового человека, слабость сильная ощущалась, и ножки подрагивали, но во мне возникло стойкое и непреодолимое желание покинуть это негостеприимное место и снять с себя наконец ту странную тряпку, подразумевавшую, видимо, больничную рубаху, в которую меня облачили.

А еще принять душ! Так мне вдруг до слез захотелось в душ!

В палату заглянула медсестра, которая, как выяснилось позже, проверяла состояние пациентки в моем лице каждые пятнадцать минут, а увидев, что я двигаюсь, медленно, но верно, напрямик к двери, настолько обалдела, что выпучила глаза и даже натурально открыла рот.

– Вы что творите?! – возмутилась медсестрица. – Немедленно вернитесь в койку!

– Не, я домой, – огласила я свои намерения, продолжая двигаться к выходу.

После столь сильного заявления шорох вокруг меня начался недетский! Первым делом медсестра перехватила меня на полдороге к двери, насильственно вернула в больничную койку и убежала за подмогой, которую вскорости и привела в лице моего лечащего врача Шабалина Тараса Наумовича.

– Кто тут бузит? – весело поинтересовался он.

Доктор мой оказался человеком понимающим, веселым, с замечательным юмором, с некоторым, правда, уклоном в черный медицинский оттенок, но это неизбежные издержки профессии, как я понимаю. На вид врачу было за сорок, но его добродушный облик мог и вводить в заблуждение по поводу его возраста, а внешний вид и подавно – такой, знаете, богатырь былинный – мощный, здоровый, высокий с раскатистым низким голосом. Прямо Русь былинная.

И вот эта сама былинная Русь и поведала с добродушным хохотком, что покидать больницу мне никак нельзя.

– Да я дома отлежусь, Тарас Наумович, – канючила я настойчиво. – Обещаю! Весь день лежать буду и исполнять все ваши рекомендации. – И пожалилась: – Не могу я в больнице, мне тут еще хуже становится. Я вообще больниц боюсь, у меня прямо фобия какая-то.

– Ну, ладно, – вздохнул он наигранно, изображая капитуляцию перед моим напором. – Во мне сейчас одна из трех ипостасей заговорила, та, что самая сердобольная, русская. Так что пользуйся моментом, Кира Андреевна, пока какая из двух оставшихся не вылезла и не вмешалась.

– Это в каком смысле? – заинтересовалась я.

– А в самом прямом, – хохотнул он. – У меня все по-честному: имя хохляцкое от матушки-украинки досталось, отчество еврейское от батюшки иудея, а фамилия русская – от деда. Так и живу в трех натурах одновременно. – И раскатисто рассмеялся.

А отсмеявшись, неожиданно резко стал серьезным, посмотрел на меня задумчиво и тихо так, со значением сказал:

– Ты бы все же в больнице осталась, Кира. У тебя ведь не простое пищевое отравление.

– А какое? – поразилась я.

– В том-то и дело, что медикаментозное. Проще говоря: наркотик какой-то ты приняла.

– Да ничего я не принимала! – тут же возмутилась я.

– Ну, это мне известно, ты, когда я тебя опрашивал, подробнейшим образом умудрилась отвечать на мои вопросы и перечислила все, что ела и пила в ресторане, и утверждала, что никаких препаратов не принимала. – И вздохнул жалостливо. – Вот такие дела Кира, свет Андреевна.

– Какие? – не сразу дошло до меня.

– А такие, что раз ты ничего не принимала по самостоятельному почину, то получается, что приняла ты его случайно или по незнанию, то есть подсыпать могли. Вот и предстоит тебе о многом подумать, и лучше бы тебе это делать в больничке, на глазах у медперсонала, все ж под присмотром, а не одной дома.

– О чем подумать? – продолжала тупить я.

– Ну, я не знаю... – протянул он, с сомнением поглядывая на меня. – Например, какие такие враги могли тебе что-то подмешать, скорее всего, в питье, и с какой злодейской целью. Конкурентов своих вспомнить, дела непростые. Ты же вроде бизнесом занимаешься, а у вас там чего только не случается.

– Да какие конкуренты?! – возмутилась я. – С конкурентами все давно договорено, поделено и застолблено! И врагов у меня нет! – И вдруг меня хлопнула одна мысль. – А почему вы сказали, что в питье подмешали.

– Потому что, скорее всего, а я уверен в этом практически на сто процентов, тебе стало так плохо именно потому, что твой организм дал особую реакцию на смешивание психотропа с алкоголем. Тебя спасло то, что ты совсем мало выпила и практически сразу оказалась в больнице. Если бы водитель, что вез тебя, не сообразил привезти тебя в ближайшую больницу, а все же довез домой, боюсь, что последствия могли оказаться весьма плачевными, вплоть до летального исхода. Вот такие вот дела, – похлопал он меня по руке. – А ты говоришь домой. Полежи, поспи. А утром поедешь.

– Не, я домой, – рассеянно отказалась я от заманчивого предложения, обдумывая его слова, и спросила: – А что за препарат мне дали? Вы сказали психотропный?

– Пока не знаю, – развел руками доктор. – Пока только могу предполагать по симптоматике. Точнее, завтра скажу, когда придут результаты анализов. Мы у тебя их целую кучу насобирали. А ты пока думай, соображай, кто мог так тебе подсуропить, – предложил Тарас Наумович и посоветовал: – А на будущее запомни: если еще раз в такое дерьмо вляпаешься, первым делом постарайся очистить желудок любым способом. Лучше выпить как можно больше жидкости, литра три, не меньше, лучше со слабым раствором марганцовки, и заста-

вить себя от всего этого избавиться. Народный метод двух пальцев вполне подходит. И пить, пить, пить.

– Да ну его, знаете куда, такое будущее! – возмутилась я необычайно и недоверчиво спросила: – Вы зачем это говорите, Тарас Наумович?

– Ты же не знаешь, кто тебя траванул, – пожал он плечами, – вдруг кто-то еще раз решит так пошутить.

Нечего мне было ответить на это.

И все же я уехала домой. Тарас Наумович сделал мне выписку из истории болезни, предупредил о возможных последствиях, дал кучу рекомендаций и лично проводил и усадил в такси, заодно надавав грозным тоном наставлений и таксисту.

Да видимо так, что того всерьез проняло. Он все посматривал с тревогой в зеркало заднего вида, подъехал под самые двери подъезда, да еще не поленился, помог мне выйти из машины и, придерживая под локоток, проводил до лифта.

Правду сказать, по дороге мне стало похуже, и вся моя настырность в паре с бодростью куда-то постыдно ретировались. В квартиру я входила на силе воли и автопилоте. Но дверь закрыла на оба замка – это уже на уровне рефлексов, ни про какой душ и речи уже быть не могло – я тупо, по прямой добралась до спальни, умудрилась как-то стащить с себя одежду и, рухнув в кровать, отключилась, последним, уже не осмысленным движением натянув на себя одеяло.

Вот такая вот скверная история.

– И во сколько вы приехали из больницы? – холодно спросил капитан Марчук.

– Где-то около четырех, наверное, – предположила я и «простодушно» посоветовала: – Вам лучше просмотреть запись с камеры наблюдения на подъезде. Там, кстати, наверняка можно рассмотреть номер такси, на котором я приехала, и спросить у водителя.

– Давайте вы не будете меня учить, как мне делать свою работу! – чуть повысив голос, недовольно отчитал меня следователь.

Приподняв одну бровку, я иронично посмотрела на него, слегка усмехнувшись, всем своим видом намекая на то, «как именно» он делает свою работу, забыв задать подозреваемой дежурный и обязательный вопрос о том, где именно она находилась в момент совершения преступления, то бишь поинтересоваться наличием у нее алиби.

– Кхм, – неловко кашлянул Сергей Дмитриевич, правильно поняв мою иронию, и отвел глаза, как нашкодивший кот, застуканный за поеданием хозяйской сметаны, неосмотрительно оставленной в доступном для него месте. – Мы проверим все, что необходимо, и опросим всех, кого потребуется, и доктора вашего, и таксиста в том числе, – отчеканил он.

– Не сомневаюсь, – добропорядочной гражданкой, свято верящей в способности нашей полиции во всем разобраться и изловить всех преступников, произнесла я.

Он посмотрел на меня с явным подозрением, видимо, пытаясь угледеть в моем взоре скепсис, узрел или нет, мне неизвестно, и задал следующий вопрос:

– У вас есть предположения, кто мог подмешать вам в шампанское препарат?

– Я не знаю.

– Но предположения у вас есть? – настаивал оперуполномоченный.

– Да какие предположения, Сергей Дмитриевич! – вздохнула я тягостно, не порадовав его перспективой. – Это мог сделать любой из двадцати пяти приглашенных гостей, а иже с ними каждый официант и другие посетители ресторана, находившиеся в зале. Мы же постоянно то танцевали, то в каких-то викторинах участвовали, хороводы водили, народ напивался и все перемешивались, как броуновское движение. Вы же знаете, как проходят подобные юбилеи.

– Да уж, – горестно вздохнул он, – задали вы нам задачу. Придется опрашивать всех, кто там был.

– И это ничего не даст, – махнула я рукой, разделяя его печаль. – Злодей не признается, а то, что кто-то мог увидеть момент подсыпания препарата, очень маловероятно. – И выдвинула свою версию: – А ведь это вполне могла быть не самая удачная шутка, ребята просто дозу не рассчитали и не подозревали, что мне так плохо станет. Народ меня постоянно подкалывает на предмет того, что я практически не пью. С тем же успехом этот препарат мог попасть в еду и на кухне у поваров. Или вообще в какой-то продукт или полуфабрикат еще до ресторана.

– Выясним, – пообещал нечто сомнительное капитан.

Он продолжил задавать мне еще какие-то вопросы, я отвечала, но все больше отстраненно и без интереса, неожиданно почувствовав, что измотана до предела. Как-то в один момент вдруг резко закончились силы, или адреналин, на котором я держалась последние часы, и навалилась такая непомерная слабость, что я подумала, что запросто могу сейчас и в обморок рухнуть, как какая-нибудь чувствительная барышня.

Но капитан Марчук мое состояние узрел сразу же своим острым сыскарским оком и постарался быстро завершить нашу беседу, пообещав что-то в стиле «ай би бек», вышел из кабинета, прихватив с собой папку с протоколами, но довольно быстро вернулся, оповестив меня:

– Бригада следственные действия закончила. Тело уже увезли. Кресло, в котором находился пострадавший, мы изымаем для проведения экспертизы.

– Да пожалуйста, – даже обрадовалась я, – все равно его выкидывать.

Он разложил передо мной листы протокола и предложил их прочитать и подписать.

– Не могу, – честно призналась я. – У меня сил нет читать, что-то мне совсем плохо, Сергей Дмитриевич, а без прочтения я не стану подписывать. – И искренне повинулась: – Извините.

– Ладно, – вздохнул он явно расстроившись, но все же пожалел меня откровенно.

И нам обоим было понятно, что пожалел. Спасибо ему за это честное.

– Придете завтра в управление, прочтаете и подпишете. Вот номер моего телефона, – и он протянул мне визитку. – И давайте сами, чтобы я вас повесткой не вызывал и наряд за вами не посылал. И из города не уезжайте.

– Я не могу, – совсем опечалилась я, что приходится ему отказывать. – У меня бабушка в Рощино, если я в выходные не приеду, она нам с вами такое устроит, что спасет только эмиграция.

– Что, все так плохо? – позволил себе улыбнуться капитан.

– Лучше вам не знать, – предупредила я. – Запросто может и до министра дойти. Не характер, а кремь какой-то, ей-богу, вся семья стонет.

– Да уж, не соскучишься с вами, Кира Андреевна, – посетовал товарищ капитан.

– Что есть, то есть, – согласилась я.

– Ладно, – снизошел он, – в Рощино можно. – Застегнул молнию на папке с документами и посоветовал: – Замок на двери смените.

– Обязательно! – пообещала я и кое-как поднялась из кресла, чтобы проводить его и всех остальных из квартиры.

А закрыв за ними дверь, обессиленно села на банкетку в холле и задумалась, что делать дальше: не в глобальном смысле жизненных планов, а в данный момент. Наверное, мне необходимо срочно попить чего-нибудь и хорошо бы поесть. За этими дурацкими допросами я нарушила все рекомендации Тараса Наумовича и в течение нескольких часов ничего не пила и не ела.

Непорядок.

И стоило об этом подумать, как тут же нестерпимо захотелось пить, а желудок издал голодную руладу. С трудом поднявшись, я, по-старушечьи шаркая, поплелась в кухню, в

которой меня ждало неприятное открытие. Все кухонные поверхности были обсыпаны специальным темным порошком для определения отпечатков пальцев, вся посуда из шкафчиков, в том числе и рюмки-бокалы, выставлена на столешницу и так же обработана порошком.

Ну, твою же дивизию!! Вот только этого мне и не хватало для полного комплекта забываемых ощущений! Предполагаю, что остальная квартира после работы экспертов выглядит приблизительно так же!

Ну... ладно, не буду крепкими словами баловаться, я все же девушка нежная, можно сказать, интеллигентная.

А выход всегда найдется! И он таки у меня есть!

Я достала сотовый, который весь день предусмотрительно носила с собой, и набрала номер Веры. Вера, женщина в неопределенном возрасте, около сорока, частенько помогала мне по хозяйству, проще говоря, наводила порядок у меня в квартире. По большей части я спокойно управлялась сама, получая удовольствие от домашних дел, они меня всегда как-то успокаивали, я бы даже сказала: создавали медитативно-расслабляющий эффект, особенно уборка.

Но легкая. Когда же требовалось что-то глобальное, генеральная сезонная чистка-помывка, я всегда обращалась к Вере, а последнее время все чаще приглашала ее и для простой уборки – приходилось много ездить, и уставала я сильно.

Но сейчас о другом.

Мы договорились, что Вера придет прямо сейчас, и в ожидании ее прихода я сделала себе большую кружку чая с лимоном и медом, снова сварила овсяной правильной каши и практически уже отрубалась, засыпая прямо над тарелкой, когда доедала последние ложки, глаза слипались конкретно.

В этот момент в дверь позвонили. Пришла Вера. Впустив ее, я дала четкие инструкции:

– Вер, убирать все капитально, ни о чем не спрашивай, потом расскажу. Сил нет. Тут сплошной кошмар, сама увидишь. Все, я спать. Когда в квартире уберешь, разбудишь меня, я переберусь на диван, а ты в спальню...

– Поняла, Кира Андреевна, – кивнула Вера.

Как доползла и рухнула в постель, я уже не помнила, как и то, каким образом потом умудрилась перебраться на диван, пока Вера убирала в спальне, и вернуться обратно в кровать. Подозреваю, не без посильной помощи домработницы.

На руках она меня носила, что ли? Или я совсем уж в беспомощности находилась?

Ладно, оставим невыясненным.

Утром я проснулась живенькой, здоровенькой, активной и ужасно голодной. На сей раз кашей не обошлось, и я с удовольствием плотно поела.

Мне невероятно повезло с организмом – есть я любила и сладкое любила в виде пирожных всяких и десертов, но не поправлялась ни на грамм.

Повезло вообще, прямо необычайно! На зависть всех женщин страны.

Но я об этом не распространялась, дабы не навлечь на себя недобрые мысли знакомых женщин, и на вопрос «Как тебе удается оставаться в такой форме?» всегда отвечала с некой долей жалобы и сожаления в голосе:

– Путем жесткой аскезы. Позволяю себя всякое, а потом отрабатываю все, что позволила: голодание, травяные отвары, диеты.

И теперь мы уже все дружно вздыхали над тяжелой нашей бабской долей в неравном бою с лишним весом, который, зараза, всегда побеждает!

Впрочем, кое в чем я не лукавила – отвары травяные пила периодически и голодала один-два дня регулярно пару раз в месяц.

Просто так получилось, что один хороший знакомый деда, ученый-биолог, как-то объяснил мне полезность разгрузочных дней и определенного типа питания, порадовав под

конец уверением, что есть можно все, что хочется и нравится, только в малых количествах и не каждый день. Он же дал список полезных продуктов.

Вот оттуда у меня в рационе и правильная овсянка, и нешлифованный рис, другие замечательные злаковые и орехи, и много овощей с фруктами и зелени разнообразной.

Это к чему я? А! К тому, что я быстренько сварила себе овощного супа с чечевицей. Некий мексиканский фирменный рецепт, только не такой острый, как оригинал, и навернула аж две тарелки. Это было одним из пунктов подготовки к непростому дню.

Замок на двери я менять не стала. Если точнее: два замка, на которые она закрывалась – вот не до этого, честное слово – потом как-нибудь. Зато схитрила – имелся в нашей двери и третий замок. Им мы практически никогда не пользовались, только когда уезжали куда-то надолго.

Ключей от него существовало всего два, и оба лежали в домашнем сейфе. Вот этот-то третий замок я и закрыла. Пока так сойдет.

Первым делом, как и обещала, я отправилась в отделение полиции к капитану Марчуку, где честно и добросовестно прочитала все протоколы и подписала их.

– Мы получили копии ваших анализов, – просматривая мои подписи на протоколах, как бы между прочим, сообщил старший оперуполномоченный и перевел на меня быстрый внимательный взгляд. – Так вот тот препарат, что обнаружили в вашей крови, в аптеке не купишь и по благу не достанешь. Это наркотик, имеющий сильное снотворное действие и побочное галлюциногенное, его применяют в медицине при болезнях, связанных с серьезным нарушением сна.

– Понятно, – покивала я.

А что тут еще скажешь? Я и близко не представляю, кто и с какой целью мне эту дрянь подсыпал. Но следователь, как оказалось, имел версию.

– А вы не связываете ваше неожиданное недомогание и появление трупа в вашей квартире? – спросил неожиданно следок.

– Нет, не связываю, – растерянно посмотрела я на него.

– Вам вполне могли подмешать снотворное с определенным намерением, чтобы вы ничего не слышали ночью и спали глубоким сном. Вряд ли тот, кто подсыпал вам наркотик, имел целью отравление, скорее всего, просто переусердствовал с дозой, и кто ж знал, что ваш организм так индивидуально отреагирует на препарат.

– Да зачем? – недоумевала я.

Он вздохнул.

– Кира Андреевна, вы не производите впечатление глупой девицы, тем более самостоятельно рулите таким непростым бизнесом, – попенял он мне и пояснил: – Должны же понимать, что не попади вы вчера в больницу, сидели бы сейчас у нас в КПЗ, поскольку все улики свидетельствуют против вас. Вот так-то.

– М-м-да, – согласилась я задумчиво. – Я об этом как-то не подумала.

– А вы думайте! – отчего-то разозлился Марчук. – Пора бы уже!

В общем, дальнейшего диалога у нас не получилось. Я скомканно попрощалась, он подписал мне пропуск, и я поспешила покинуть этот околоток. И направилась в больницу на осмотр к Тарасу Наумовичу.

Вот кто встретил меня радушно и с распростертыми в прямом смысле объятиями – заграбастал меня ручищами и обнял крепенько, оторвав от пола.

– Ну, что, – рокотал он весело, отпустив меня, – ты, говорят, кого-то пристрелила?

– Кто говорит? – ахнула я.

– Да менты, – хохотнул доктор. – А кто еще? Я ж про тайну следствия все знаю, молчу как рыба. Только тебе, как родной!

Ага, молчит! Рокотал он на все отделение, уж наверняка медсестрицы все слышали.

– Ну, пойдём в кабинеты! – пригласил он, обняв меня за плечи. – Побеседуем. – И усмехнулся, как только мы оказались одни в ординаторской. – Да ты не менжуйся, все уже про убийство твоё болтают. Все же знают, что ты у нас тут под клизмой лежала, а не из пистолетика пулькала.

Но обсуждать убийство мы не стали. Шабалин меня осмотрел, проверил рефлексы, пощупал узлы, порасспрашивал, мы обсудили мою диету и рацион для быстрого восстановления здоровья. Но прощаясь, он вдруг стал серьёзным и предупредил с искренним сочувствием:

– Ты будь поосторожней, Кира. Посматривай вокруг себя. Кто-то же хотел тебя подставить, и действовал этот человек, скорее всего, не в одиночку. Хорошо подумай, кто бы это мог быть. Может, тебе стоит на время уехать куда.

Я поблагодарила за заботу, мы тепло попрощались, и я отбыла далее по своим делам.

А именно в центральное кафе нашей сети, с которого и начинала когда-то свой бизнес тетушка и где теперь находился наш главный офис.

Вот здесь мне пришлось подзадержаться, занимаясь насущными делами и решая текущие вопросы с Оксаной Викторовной.

Я не раз уже возносила благодарность Господу за то, что когда-то взяла её на работу. Истомина оказалась настолько на своём месте и настолько профессиональна, что я смело могла доверить ей многое. И доверяла без сомнений. И старалась платить серьёзно, без дураков. К тому же последние месяцы мне частенько приходилось отсутствовать, уезжая на несколько дней, а то и недель, и я со спокойной душой оставляла на неё наш бизнес, хотя руку на пульсе держала и на удалении. Не расслаблялась сама и подчинённым не позволяла. Контролировала.

И они об этом знали. И чувствовали и мою заботу, и пристальный пригляд.

Оксане Викторовне пришлось честно и подробно поведать все, что со мной приключилось. Ахать и охать она не стала, не тот человек, а выслушав, дала несколько весьма толковых комментариев и советов. Она, кстати, тоже предложила мне куда-нибудь уехать на время или, по крайней мере, переехать из квартиры.

– Думаю, – отказалась я, – переезжать бесполезно. Если кто-то всерьёз намерен мне навредить, он меня везде достанет, да и с подключением адвоката мы пока повременим: у меня стопроцентное алиби и я в данном деле потерпевшая сторона.

– Вам видней, – кивнула Истомина, соглашаясь.

А потом мне на смартфон посыпались звонки от друзей с настойчивыми вопросами: что за фигня происходит? Это правда, что у меня в доме нашли труп? почему их опрашивает полиция?

Словом, пришлось согласиться на срочную встречу.

Мы сидели в кафе всей большой компанией, я смотрела на тех, кого всегда считала друзьями, думала, что даже если кто-то из них и подмешал мне отраву, то остальные-то остаются близкими мне людьми и вполне искренне сочувствуют и переживают за меня.

Встречу я затягивать не стала – рассказала факты и, сославшись на плохое самочувствие и подорванное в столкновении с криминалом здоровье, попрощалась и направилась домой.

Зря я сегодня за руль села. Ещё подумала обойтись такси, но, вспомнив, во сколько мест мне надо, дала слабину и решила, что поеду сама.

Оказалось, это мне не совсем по самочувствию. Слаба я ещё, переоценила я свои силы. Но осторожно, не спеша, я таки добралась до дома, загоняя джип в подземный гараж не стала, оставила около подъезда, поднялась в квартиру, выпила травяного чаю и рухнула в постель. Так и проспала до самого утра.

Разбудил меня настойчивый звонок смартфона. Холодный и жутко официальный голос капитана Марчука потребовал, чтобы я немедленно явилась в управление для беседы.

– Немедленно не обещаю, – остудила я его горячее желание пообщаться. – Но через час прибуду. – И не ожидая прощальных пожеланий, прервала разговор.

Старший оперуполномоченный был недоволен и холоден. Подняв голову от бумаг, разложенных перед ним, глянул на меня недобро, указал кивком на стул перед столом и снова погрузился в изучение документов.

А я села. Раз пригласили, чего уж, но спрашивать ни о чем не стала. Не-е, играть по его правилам я не собираюсь, и томить меня выдержанной паузой бесполезно, но, видимо, он этого еще не понял и продолжал что-то там изучать, шурша бумажками. Я же принялась рассматривать кабинет, только что не насвистывая какой-нибудь мотивчик от беспечности.

Как я и полагала, он не выдержал первым и, отложив в сторону очередную бумажку, поднял на меня взгляд своих строгих оперских глаз и спросил:

– Гражданка Юдина, вам известно, что убитый у вас в квартире мужчина является вашим мужем?

– Каким мужем? – обалдела я до глубокого потрясения.

– Бывшим, – совсем чуть-чуть и всего на мгновение непроизвольно сжались его губы, выдавая досаду.

Если бы я так внимательно не следила за выражением его лица, то и не заметила бы, а он конкретизировал:

– Бывшим мужем: Андреевым Аркадием Павловичем. Тысяча девятьсот семьдесят пятого года рождения.

Не скажу, чтобы я была так уж сильно потрясена известием, но изображала глубокий шок вполне достойно – от Аркаши можно было ждать чего угодно, даже такого гадского финта, как сподобиться умереть у меня в квартире.

– Но... – протянула я растерянно.

– Понимаю, о чем вы, Кира Андреевна, – кивнул Марчук, порылся в бумагах, извлек одну из них и протянул мне. – Вот акт экспертизы, установившей, что с лицом вашего мужа были проведены некие медицинские операции пластического характера, изменившие его внешность. Опознать же господина Андреева нам удалось по его стоматологической карте и неким иным особым приметам физического свойства, таким, как старый перелом кисти.

– Но... – снова прибегла я к невразумительному бляению потрясенной женщины.

Сработало и на этот раз.

– Понимаю, о чем вы, – повторил он фразу и снисходительно кивнул, забирая у меня протокол экспертизы, – насколько нам известно, ваш муж...

– Бывший, – перебила я, уточнив свой социальный статус.

– Да, да, бывший... – на сей раз скривился он более явно, – ...исчез четыре месяца назад и признан пропавшим без вести. А вместе с ним пропала и огромная сумма денег строительного холдинга, который он возглавлял вместе со своим партнером Иваницким Максимом Васильевичем. И до позавчерашнего дня местонахождение вашего мужа так и не было установлено. У вас есть что заявить по поводу новых открывшихся обстоятельств?

– Что заявить? – совершенно искренне опешила я от такого вопроса.

– Например, почему ваш муж... – начал он.

– Бывший! – повысив голос, снова напомнила я.

– ...бывший муж, – не сбился он ни с тона, ни с фразы, – находился у вас в квартире? В свете новых обстоятельств версия того, что он оказался у вас в доме не случайно, а по вашему приглашению, становится основной. Вы понимаете, какая тогда вырисовывается картина? – холодно поинтересовался Марчук.

– И какая? – полюбопытствовала я, уже заранее зная все, до чего может додуматься его ментовский мозг. И не ошиблась в своих предположениях.

– Получается, Кира Андреевна, что он явился к вам или вы его пригласили лично для какой-то беседы, скорее всего он что-то от вас хотел, а некий человек, не то ваш любовник, не то некий третий участник ваших непростых отношений, устраняет Андреева. А вы в это время имитируете отравление, составляя тем самым себе алиби.

– Класс-с-с-с! – похвалила я от души и повторилась: – Просто класс! – И весело поинтересовалась: – И что, у вас есть какие-то серьезные основания для такой версии? Доказательства? Факты? Или это только плод вашей богатой фантазии, Сергей Дмитриевич?

– Доказательство – дело наживное, – строго отрезал он, не разделив моего хорошего настроения. – Но то, что Андреев появляется в городе с измененной внешностью и оказывается убитым именно у вас в доме, уже говорит о многом.

– И о чем же, позвольте полюбопытствовать? – отчего-то раздухарилась я не на шутку и напомнила господину Марчуку некие факты: – Еще за два месяца до его исчезновения я развелась с Аркадием Павловичем. Мало того, хочу вам напомнить и точно знаю, что вам это доподлинно известно, что у меня есть официальное постановление суда, в котором говорится, что я не имею к господину Андрееву никаких материальных претензий. Следовательно, ни к каким деньгам, ценностям, имуществу и делам господина Андреева я не имею никакого отношения: ни прямого, ни косвенного. По каким причинам он пропал спустя два месяца после нашего развода, мне неизвестно и вообще мало меня интересует. Мало того, после его исчезновения и пропажи денег ваши коллеги провели тщательное расследование по поводу моей причастности к этому делу, вымотали мне и моим родным все нервы и таки установили неоспоримый факт того, что я не имею никакого отношения к делам бывшего мужа.

– Да, – кивнул Марчук, – обстоятельства вашего развода хоть и вызывают еще больше вопросов, но известны. И материалы дела об исчезновении Андреева я изучил. Но то, что коллеги не смогли найти доказательств вашей причастности, не отменяет того факта, что вы могли продолжать свои отношения и после развода, не афишируя их, а развелись как раз с целью последующего сокрытия пропавших денег, зная, что на вас подозрение не падет. И именно поэтому вы так шумно выясняли отношения и весь город стал свидетелем, что Андреев пытался вас вернуть. А когда ваша афера удалась, вы что-то не поделили или не договорились о процентах и долях, и вообще в ваших планах что-то пошло не так, раз он вернулся. Теперь Андреев убит. А ваше участие в его смерти становится весьма и весьма вероятным фактом.

– Полностью с вами согласна, – твердо уверила я.

Он даже обалдел на какое-то мгновение, посмотрев на меня ошарашенно, но тут же взял себя в руки, а я продолжила:

– Это на самом деле выглядит как преступный сговор, и похоже, что мошенники между собой не договорились. Думаю, именно поэтому его убили у меня в квартире, чтобы подставить меня. Ведь, согласитесь, Сергей Дмитриевич, если бы не мое отравление, то у вас не имелось бы никаких сомнений в том, что это я его уколошила, и вы бы с чистой душой уже меня арестовали. Ведь так? И какая там доказательная база, о чем вы! И базу бы подтянули под эту версию, и факты «накопали». А вы даже смывы на порох у меня не взяли с рук, вещей и волос. И без них бы обошлось. – И я закончила свое пламенное выступление наказом: – Хочу вам напомнить, что убила его все же не я. Так что сосредоточьтесь на поиске и поимке настоящего убийцы, насколько я понимаю, именно в этом состоит ваша работа, а не пытайтесь повесить всех чертей на меня. Никакой такой мифический сговор неизвестно с кем вам установить не получится по простой причине, что его не было и не могло быть. А для протокола сообщая: ни о каких делах своего бывшего мужа я не знаю, связи с ним не

поддерживала и не общалась, и о месте его нахождения понятия не имела. – И довольная, заключила: – Пожалуй, это все.

Я поднялась со стула, протянула пропуск для подписи и «спохватилась»:

– Ах да, раз вы намерены выдвигать против меня какие-то обвинения, то думаю, мне будет проще общаться с вами в присутствии моего адвоката.

Он скривился, как от горькой пилюли, и дал-таки немного заднюю:

– Я не выдвигал обвинений, Кира Андреевна, я честно обсуждал с вами возможные версии убийства в свете открывшихся обстоятельств.

– Я поняла, – я улыбнулась самым милым, на какой была способна, образом.

И покинула этот оплот поддержания правопорядка и защиты добропорядочных граждан от преступного элемента.

А оказавшись на улице, выключила диктофон, который включила, чтобы сделать запись нашей беседы на всякий случай, и смартфон тут же зазвонил. Прорывалась ко мне, оказывается, Женька, ужасно растревоженная тем, что не может с самого утра до меня дозвониться – телефон я перевела на вибрацию, выключив звук, и все звонки понятно почему игнорировала.

Я поспешила ее успокоить, что со мной все в порядке, но сплутила, неудачно пошутив про бывшего мужа, который оказался тем самым трупом в моем кресле, чем вызвала вулканический взрыв деятельности Луневоы. Взвыв тревожной сиреной, подруга объявила общий сбор всей нашей компании.

Несчастной, попавшей в переплет, от «собрания» сочувствующих и любопытствующих отвертеться не удалось, пришлось согласиться на встречу в моем кафе, но только вечером.

У меня имелись дела более насущные. И надо признать, не самые приятные. Придется-таки встретиться с Максом.

Я набрала его номер. Он ответил сразу, после первого же гудка:

– Кира... – с неким придыханием произнес мужчина.

Терпеть не могу и всякий раз ужасно раздражаюсь, когда он так делает.

Но он спросил уже обычным голосом, не дав моему раздражению разрастись до той степени, при которой я могла бы мысленно его послать и с чистой душой наплевать на необходимость ставить его в известность лично.

– Я слышал, что у тебя неприятности?

– Можно назвать и так, – уклончиво ответила я и оповестила: – Я сейчас подъеду. Мне надо с тобой поговорить. Ты в офисе?

– Да. Приезжай. Жду, – раздельно произнес он каждое слово.

Я застряла в небольшой пробке на улице имени дедушки Ленина, медленно продвигаясь вперед, думала об Аркаше.

«Бедный Аркаша. Вложиться такими деньгами и совсем не поносить свежее лицо!»

Надо, наверное, рассказать об этом несколько странном моем замужестве.

С Аркадием меня познакомил Мишка Бажов где-то месяца через два после моего приезда в город и приблизительно через месяц, как мы восстановили дружеское общение с нашей дачной компанией.

Они тогда решили, что надо срочно ассимилировать меня в местное общество и областные реалии, показать все лучшие тусовочные места, достопримечательности, познакомить со всеми значимыми людьми или хотя бы показать их издали, потыкав пальчиками и разъяняя жарким шепотом, кто есть кто в области и кто чем тут рулит и за что отвечает, по ходу сдабривая представление известных личностей набором горячих сплетен о них.

Как-то так.

Я не сопротивлялась и честно таскалась на различные мероприятия и тусовки: узнать истинное положение дел очень даже полезно. А если учесть, что Мишка считался довольно успешным бизнесменом в строительном бизнесе области, а Вовка Иванцов работал в областной администрации на не самой хилой должности, то можно понять, что информацию я получала самую полную, а развлечения для меня они старались проводить по высшему разряду.

Таким вот образом однажды мы и оказались на каком-то жутко благотворительном мероприятии, проводить которое пригласили известных телевизионных звезд из Москвы, а присутствовали на нем все сливки местного бомонда и высшего чиновничьего эшелона.

Форма одежды предписывалась вечерне-торжественная, пришлось облачаться в длинное платье, «выгуливать» старинные сапфиры, подаренные мне дедом, и наносить вечерний макияж.

Словом, блистать больше обычного.

Нет, я вообще девушка реальная, без закидонов гордыни преувеличенной, с вполне здоровой самооценкой, прекрасно все понимаю и знаю про свою внешность.

Сразу скажу – не красавица!

С первого и очень мимолетного взгляда не красавица, а вот со второго уже получше. Я отдаю себе трезвый отчет, что вполне симпатична – среднего роста, ну чуть ниже, метр шестьдесят пять, стройная фигура, тонкая талия и длинные стройные ножки присутствуют, одарил господь, как и вполне высокой и налитой грудью, без перебора – этого нам не надо! Нормальный такой третий размер – мне более чем достаточно.

Внешность и на самом деле скорее симпатичная, приятная, но не более того – со своим чуть вздернутым носом я примирилась еще в подростковом возрасте, а ко всему остальному претензий отродясь не имела – высокий лоб, высокий скулы, чуть великоватые губы и... Самая обыкновенная современная девица. Ничего выдающегося.

Только глаза подкачали, не вписываясь в общую усредненную концепцию внешности – цвет у них странный – ярко-изумрудный, насыщенный, с крупными желто-коричневыми крапинками. Какой-то неясный – не то зеленый, не то желтый, не то коричневый, в зависимости от погоды, настроения и степени эмоционального напряжения.

Так что никаких иллюзий по поводу своей внешности я не питаю.

Но есть нюансы, как говорится в одном очень пошлом анекдоте.

Мужчин ко мне тянуло со страшной силой всегда, и почему-то они умудрялись на меня западать непременно с самыми серьезными матримониальными намерениями.

Вот прямо сразу. Не шучу – стоит мужику воспылать ко мне чувствами – и все, сразу до загса зовут. Напасть какая-то! Честное слово, лет, наверное, с шестнадцати моих девичьих так и происходит.

Дед над этим всегда посмеивался, а однажды растолковал мне эту странность:

– Есть в тебе, Киронька, нечто особенное, некая женская тайна, сила, которая как магнитом притягивает противоположный пол. Эта сила такая теплая, нежная и какая-то первобытная, что ли, древняя. Вот она и вызывает у мужчин неосознанное желание получить себе это тепло и нежность. Не страсти-мордасти роковые ты будишь в мужиках, а ощущение нежности и желание защитит, спрятать. Вот и пляшут перед тобой женихами.

– Дед, – поражалась я, – какая нежность? Ты смеешься? У меня ж характер такой, что им можно сваи заколачивать. Да и злая я, сам говорил, сарказма во мне с избытком, и упертая.

– Ты просто еще ничего про себя не понимаешь, – посмеивался он, – нежная – не значит размазня и тряпка безвольная. Ни одна истинная женщина не выжила, если б не была сильной и стойкой к невзгодам. Я о другом говорю, о внутренней таинственной женской теплоте и силе. Поймешь еще.

Честно, пока не поняла. Хоть и подросла с того памятного разговора.

Но не суть. Я о другом.

О том, что не красавица я роковая, реально к себе отношусь: с любовью, но не без иронии.

И на том самом благотворительном вечере стояли мы с Мишкой и его женой Викулей, потягивали шампанское и тихо обсуждали присутствующих. Ну, как обсуждали – они представляли мне местную знать, попутно кратенько выдавая биографию и слухи-сплетни о каждом. И вдруг возле нас останавливается интересный такой мужчина и здоровается:

– Добрый вечер, Михаил, – улыбка Мишке и поклон головой в нашу с Викой сторону: – Дамы.

Мы чинненько поклонились в ответ, как и положено на светской тусне.

– Миша, с твоей прекрасной Викторией мы знакомы, а вот не представишь ли меня очаровательной незнакомке.

– С удовольствием, – разулыбался Мишка и приступил к обряду знакомства по протоколу: – Кира, разреши представить тебе Аркадия Павловича, известного мецената и одного из владельцев крупного строительного холдинга. – Я снова коротко кивнула, принимая представление господина, а Мишка продолжил: – Аркадий, разреши представить нашу давнюю подругу, приехавшую из Москвы, Киру Андреевну.

– Вы к нам погостить или проездом? – глядя на меня особо заинтересованным взглядом, спросил Аркадий, явно уже не замечая никого вокруг.

Между нами завязался светский разговор – легкий и, как правило, ничего не значащий – по верхам, что называется. Миха с Викулей, извинившись, деликатно отошли, сославшись на необходимость поговорить еще с кем-то из гостей, оставив нас вдвоем.

Мы беседовали, и я осторожно разглядывала мужчину.

Высокий, подтянутый, скажем так: из категории тех, кому в районе от сорока и выше, в среде которых теперь принято настойчиво молодиться. На его теле отразились явные результаты посещения качалки наличием мускулатуры, подтянутого живота и подкачанных ног, да и за лицом своим Аркадий Павлович, как мне показалось, следил не без помощи косметологии, но в легком, профилактическом режиме.

В общем и целом производил он вполне приятное впечатление – темные волосы с хорошей стрижкой, приятная харизматичная внешность, чуть подбородок подкачал отсутствием необходимой мужественности, но данный недостаток был грамотно закамуфлирован короткой стильной бородкой из разряда недельной щетины.

А открытый взгляд серых глаз должен был определенно располагать к себе собеседника. Не говоря уже про ценовую категорию его костюма, аксессуаров и исходящей от него уверенности давно богатого человека.

Словом: яркий представитель местной бизнес-знати. Я бы сказала: этакий импозантыш.

Он не отходил от меня весь вечер, окучивал со всем старанием – шутил, веселил, ухаживал и набился лично доставить даму домой, пообещав моим друзьям мою полную целостность и сохранность.

Он произвел на меня довольно неплохое впечатление, по крайней мере, отрицательных эмоций я не испытала.

Но на следующий день началось нечто невообразимое – господин Андреев решил за мной ухаживать в некоем весьма скоропалительном темпе и откровенно навязчивом формате.

Проще говоря, он попросту не давал мне прохода.

Поначалу это меня веселило, и я, что притворяться, не без удовольствия принимала некоторые его знаки внимания – например, он взялся показать мне все лучшие и интереснейшие места области. Мы ездили в какой-то отдаленный монастырь с моими и его друзьями,

отдыхали в невероятно навороченных класса лакшери пансионатах и частных домах отдыха с конными прогулками и экскурсиями по природным красотам края.

Посещали все значимые мероприятия, и Аркадий познакомил меня со всеми начальниками вплоть до губернатора.

Галереи, выставки, театры, закрытые VIP-мероприятия, чьи-то дни рождения, постоянно не прекращая попыток всучить мне какие-то подарки и немислимые букеты.

В первую же неделю столь активного ухаживания у нас состоялся серьезный разговор. Аркадий пригласил меня в ресторан и преподнес букет алых роз что-то около штук сорока, наверное, а когда мы устроились за столом, протянул бархатную коробочку, в которой лежал, посверкивая мелкими бриллиантками, прекрасный браслет белого золота.

– Я обратил внимание на твое необыкновенное интересное кольцо, с которым ты не расстанешься, и решил, что эта безделушка подойдет к нему, – сопровождал он свой подарок речью.

Браслетом я полюбовалась, удовлетворив свои эстетические вкусы, медленно закрыла крышку коробочки и протянула обратно.

– Аркадий, чтобы между нами больше не возникало недоразумений по этому поводу, должна поставить тебя в известность: я не принимаю подарков от чужих мужчин. А мертвые срезанные цветы не люблю, – кивнула я на розовую клумбу в высокой вычурной вазе, которую поставил официант. – Так же, как не принимаю и отвергаю презенты в виде растений в горшках.

– Но я же не чужой тебе мужчина, – настаивал господин Андреев, – ты же понимаешь, что очень мне нравишься, и даже больше, чем нравишься, я ухаживаю за тобой, мне доставляет особое удовольствие баловать тебя подарками.

– Вынуждена тебе в этом удовольствии отказать, подарки я принимаю только от родных и близких. Без исключений. И в данный момент, Аркадий, ты мне все же чужой человек.

– Я именно об этом и хотел поговорить, – ухватился за мои слова он, и я с некой досадой уже понимала, что дальше последует, и, как водится, не ошиблась. – Давай исправим эту оплошность, и я перестану быть тебе посторонним. Я хотел бы, чтобы ты вышла за меня замуж.

– Это несерьезно, – расстроилась я как-то даже чересчур. – Я практически тебя не знаю.

– А мы это исправим. Я намерен находиться с тобой рядом, постараюсь рассказать о себе все и сделать так, чтобы ты меня получше узнала.

– Давай начнем с первого пункта, – предложила я, – получше узнаем друг друга.

Он понял это предложение чисто в мужском однозначном ключе, пришлось доходчиво растолковывать, что спать с ним я пока не намерена.

Но его напор был неослабевающе сильным. Вскорости, я и не успела понять как, но он умудрился меня уговорить и поехал вместе со мной знакомиться с бабушкой в Рощино.

Вообще-то это была большая ошибка Аркаши. Надо знать мою бабушку!

Это совершенно уникальная дама. Я бы сказала, даже слишком! Основной чертой характера моей бабушки Ангелины Григорьевны является безапелляционная убежденность в том, что она – единственный в мире человек, который совершенно точно знает все: как правильно жить, что надо правильно для этого делать, как строить семью и руководить государством, как сажать пшеницу и растить детей, как доить корову и... все аспекты жизни!

И никаких иных мнений просто не может быть по определению! Не может, и все!

Единственный вариант приемлемого общения с бабушкой – соглашаться со всем, о чем она вещает, и желательно сразу, тогда относительный мир еще возможен.

Но она постоянно будет подозревать вас в том, что вы имеете и свое мнение по какому-либо поводу, и будет стараться вывести вас на чистую воду всевозможными провокациями и неожиданными вопросами. А подловив, устроит вам настоящее аутодафе. Без вариантов.

На самом деле я давно подозреваю, что это такая игра в жизнь, в которую бабушка заигралась от скуки, безделья и врожденной склонности к средней форме тирании.

У меня же, единственной из всей семьи, знакомых и друзей с бабушкой сложились нестандартные отношения. Когда дед первый раз, в мои семь лет, отправлял меня без сопровождения тетки, всегда стоявшей защитной стеной между мной и бабушкой, к Ангелине Григорьевне на все лето, он дал мне одну, но очень ценную инструкцию:

– Что бы она тебе ни говорила и как бы ни наставляла и требовала подчиняться ее распоряжениям, делай так, как сама считаешь нужным. Так, как подсказывает тебе твоя совесть и те правила жизни, которым мы тебя учим. А чтобы бабушка не обижалась, кивай и соглашайся, когда она тебя наставляет. Больше всего на свете Ангелина любит поучать, администрировать и распоряжаться, проверять же исполнение своих указаний она не считает нужным. Это уже не барское дело. Ну а если кто-то сделает по-своему и у него это хорошо получится, она смело приписывает все его достижение своему мудрому руководству, наставничеству и уму.

Как ни странно, но я поняла все, что он хотел этим сказать. И наше существование с бабушкой с того момента стало весьма комфортным – она наставляла и распоряжалась, я улыбалась, не слушая ее нравоучений и требований, соглашалась и делала все, что мне заблагорассудится. И ни разу между нами не возникло непонимания или конфликта.

Подозреваю, она все прекрасно понимает, посмеивается про себя над всеми нами и радуется, что я единственная, кто научился с ней ужиться. Прочая родня, даже дед иногда не выдерживает и срывается, разговаривать тихо-мирно с Ангелиной Григорьевной не в состоянии, впрочем, как и все остальное человечество.

Но я ее секрет никому не выдаю.

Новоявленному жениху Аркаше досталось бабушкиного скепсиса и наставительных речей по полной программе, он, по-моему, даже вспотел от неожиданности, слабо отбиваясь от ее напора, и улыбался несколько натужно. Нет смысла приводить их «содержательную» беседу, состоящую по большей части из монолога Ангелины Григорьевны, растолковавшей молодому человеку, как надо руководить страной, его строительной компанией, и закончив наставление рекомендацией определенного травяного сбора для того, чтобы продлить свою мужскую силу на долгие годы.

Мне пришлось дважды под каким-то предлогом стремительно покинуть веранду, где нас принимали бабушка и ее домоправительница за круглым дворянским столом, покрытым вязаной скатертью и уставленным всевозможными угощениями к чаю, чинно разливаемому из старинного самовара.

Так вот я неслась в комнату и, зажимая рот, ухохатывалась до слез и икоты, поглядывая через окно на вытянувшуюся морду Аркаши.

На следующий день после нашего приезда бабушка соизволила мне позвонить и потребовала, чтобы я немедленно приехала.

– Что хочет от тебя этот мужик, кроме, разумеется, банальной похоти? – спросила она меня с порога, даже не поздоровавшись.

Я усмехнулась, подошла к ней, поцеловала, пообнимала и села рядом за стол, куда она указала мне своим величественным перстом.

– Утверждает, что намерен на мне жениться и как можно быстрее. Говорит: «люблю до страсти!»

– Он мне не понравился, – произрела бабушка. – Хлипковат натурой и очень себе на уме. – И повторила: – Очень не понравился.

Я же говорю: Ангелина Григорьевна у нас еще та бабулька, умом Бог не обидел, а что всю жизнь выдвывается и над народом измывается, так это такое ее жизненное кредо. И потом: не подставляйтесь, и не будете получать.

– Думаешь? – с сомнением переспросила я.

– Но, с другой стороны, – рассуждала дальше бабуля, не обратив внимания на мою реплику, – он молод, неплох собой внешне, не герой, конечно, и мужественности не хватает, но никогда не был женат, детей пригулянных не имеет, я расспросила с пристрастием, как я умею, – пояснила она, глянув на меня, и снова перевела взгляд в даль: на просторы.

Думаю, не стоит уточнять, что с пристрастием она умеет, как никто. И вроде бы между прочим, а ловишься на ее вопросы, как дурак, и выкладываешь все подряд, признаваясь в чем угодно! Я-то давно научилась не попадаться, но остальных она расщелкивает, как нашкочивших детсадовцев. Кроме деда, разумеется.

– Обеспечен, – продолжила перечислять аргументы бабуля. – Более чем обеспечен. И, разумеется, для любой женщины желанный трофей. Мужчина свободен и вполне женихаст.

Она замолчала. Мы обе молча смотрели в дали, уже начинающие желтеть, предупреждая о скором приходе осени.

– Дед, разумеется, будет против, – нарушила неожиданно молчание бабушка. – Повторюсь, я от этого мужчины тоже не в восторге. Но если хочешь, можешь сходить за него замуж, раз уж ты решила сбежать из Москвы непонятно зачем и кому что доказывая, – решила она мне и задумчиво добавила: – Никогда заранее не знаешь, что может в хозяйстве пригодиться.

И более не возвращаясь к этой теме, распорядилась пить чай.

А когда я уже, пообнимавшись, попрощалась с ней и Зинаидой, руководившей всем хозяйством помощницей, постоянно проживающей в усадьбе, бабушка выждала, пока я сбегу по лестнице и поверну к гаражу, распорядилась:

– Только обязательно наведи о нем справки! – И напонила: – Дед будет против.

Справки я навела – спросила у Мишки. Ничего такого особенного он мне не сообщил – несколько лет назад Аркаша и его компаньон и соратник Максим Иваницкий инвестировали капитал в некий строительный проект федерального значения, финансируемый в том числе и государством, и нехило на этом проекте заработали.

А после, пять лет назад, они открыли в городе дочернюю фирму своего строительного холдинга, инвестируют в интересные проекты, и полтора года назад добились разрешения на застройку одного из красивейших заповедных мест области коттеджным поселком элитного уровня. Поселок сразу же получил статус виповского, и стоимость домов там взлетела нереально. Но уже все строения застолблены и раскуплены еще на этапе проектирования, настолько местный бомонд жаждет занять эту недвижимость. Эдакое гнездовье для самых богатых и властных людей области.

Вот и все данные. Не считая того, что областная администрация с Андреевым и Иваницким не просто на короткой ноге, а лебезят и поглядывают с подобострастием – ну, как же, иностранные инвесторы и меценаты, ремонт в детском доме сделали.

Деду бабушка настучала.

Я лично сообщать ему об Аркаше не торопилась, пока сама еще не определилась со статусом этого мужчины в моей жизни и собственно тем, нужно ли мне вообще такое приобретение. И, разумеется, дед был против:

– Ты его совершенно не знаешь. Что за человек, кто таков, откуда? – И пригрозил: – Я наведу справки.

– Не надо! – остановила я. – Согласие выходить за Аркадия замуж я пока еще не дала и сомневаюсь, что вообще дам.

– Да ты сегодня сомневаешься, а завтра уже в загсе окажешься! – ворчал дед. – А обезопасить себя и не вспомнишь!

– Дед, я давно уже обезопасена... или как сказать? – тормознула я и разозлилась на себя: – Не важно! Ты меня уже со всех сторон обезопасил: недвижимости у меня в едино-

личной собственности нет, подвижности тоже! А правила ежедневной безопасности и осторожности ты мне привил уже на уровне рефлексов. – И зачем-то добавила: – И еще кое-кто.

– Кстати, про кое-кого, – ухватился дед, но я не дала ему развить эту тему.

– Нет, дед! – строго потребовала я.

Он понял. Помолчал и повторил:

– Я против.

– Да ладно тебе, дед, ерунда все, – успокоила я его беззаботным тоном.

– Но если все ж замуж соберешься, хотя бы голову не теряй и контракт подпиши.

– Ерунда, – повторила я.

А где-то через неделю бесконечных, жарких и настойчивых признаний в любви и бесконечных же уговоров и красивого ухаживания Аркаши, я в какой-то момент отчего-то подумала, но несколько вяло, без огонька:

«А чего, правда, что ли, сходить, может, замуж? Осчастливить человека, раз он так настаивает и утверждает, что страдает? К тому же бабушка права – никогда заранее не знаешь, что в хозяйстве пригодится. Да и может, слюбится, как обещает народная мудрость».

Ну, женщина имеет право совершить глупость, в конце-то концов!

Да просто обязана!

Когда я дала свое согласие, то Аркаша так расчувствовался, что даже пустил скупую мужскую слезу счастья, чем меня несколько подивил, но я приписала проявление столь сильных чувств тому, что все это время отказывала ему в интимной близости, пошучивая, что постель только после загса.

Я-то шутила в надежде, что он устанет меня «окучивать», разочаруется и тихо отвалит, а он все принял всерьез, однажды даже высказался в том ключе, что, мол, уважает меня за мои принципы.

Мам дорогая, какие принципы? Но разочаровывать жениха я не решилась.

Стоило мне согласиться, как подготовка к свадьбе закрутилась с такой невыносимой скоростью, что я никак не поспевала за стремительностью событий. Аркаша взял всю организацию на себя, и единственное, что мне удалось отстоять чуть ли не насмерть, так это совсем скромную церемонию для узкого круга близких людей. Он-то собирался оповестить весь город, позвать на свадьбу самого губернатора и горячо убеждал меня, что это важно для нас обоих, как для предпринимателей, приводил аргументы один краше другого.

Но я твердо стояла на своем – или втихаря и скромненько, или вообще никак.

На никак он не был согласен, и мы забронировали небольшой, но элитный пансионат, пригласив всего двадцать человек друзей и родственников.

Из гостей с моей стороны были вся моя дачная компания и дед. Тетка прилететь не смогла, а выслушав известия о скоропалительной свадьбе, расстраиваться по этому поводу не стала, отмахнувшись:

– Как я понимаю, это просто твой каприз.

– Ну, где-то так, – честно призналась я: никогда не могла ей лгать, да и смысла не было. – Я подумала: отвлечет от всяких ненужных мыслей и воспоминаний. И может, у нас что и получится с Аркадием.

– Да ерунда! – возразила Альбина. – От этих мыслей тебя ничто не отвлечет, кроме самого предмета и пока ты фигней страдать не перестанешь. – И, призадумавшись, благословила: – Ну а замуж чего бы не сходить, вдруг и на самом деле мужик хороший и сможет тебя в себя влюбить.

Насчет влюбить я сильно сомневалась. Насчет «хороший» сомневалась совсем чуть-чуть, но подозрения все же имела – ну, ничего: поживем, а там разберемся...

Бабушку выехать из усадьбы даже свадьба не заставила, она лишь потребовала, чтобы на третий день мы явились для отчета, легкого застолья и благословения, если она на него расщедрится.

А про мать и говорить нечего.

Когда я сообщила деду дату бракосочетания, настаивая на его приезде, он дал обещание быть непременно.

Только уже после росписи и первого застольного отмечания в ресторане пансионата отвел меня в сторонку и кое-что сказал. Честно говоря, я весь день с трепетом и нетерпением ждала этого разговора и его вердикта жениху. Вот и дождалась.

– Киронька, парень он хоть и статный и красивый, чего у него не отнимешь, но совершенно тебе чужой. К тому же темный, мутный и непонятный, как и его партнер Макс, – дед, улыбнувшись, погладил меня по руке и поцеловал в лоб. – Но ты имеешь право сама делать выбор, совершать ошибки и учиться на них. Что бы ни получилось из этого твоего побега в скоропалительное замужество, будем надеяться, все пойдет тебе на пользу. – И попросил: – Только будь все же внимательна и осторожна.

Я пообещала не дать себя в обиду, и дед заговорил о том самом «предмете», который я обсуждать никак не хотела, тем более в такой день, но деда перебить я не могла.

Кстати, я тут упустила один момент – период Аркашиного активного не в меру ухода за собой проходил не совсем чтобы гладко и мирно – нет, все было шикарно и впечатляюще, поражать меня ему вполне удавалось, но...

А вот этим самым «но» оказался его партнер и близкий друг Максим Васильевич Иваницкий, сорокапятiletний мужик с тяжелым взглядом темно-карих глаз, в остальном же приблизительно такого же типажа, что и Аркаша – ухаживающий за собой бонвиван с деньгами. С большими деньгами и возможностями.

На том историческом мероприятии, где мы познакомились с Андреевым, Макс не присутствовал, находясь в какой-то командировке, но когда через неделю он вернулся, нас сразу же познакомил Аркадий.

Максим Васильевич был настолько поражен чрезмерно серьезным отношением Аркаши ко мне, да и самой моей персоной, что почти не скрывал своего ошеломления. Позже выяснилось, что у господина Иваницкого так же, как и у его компаньона, вспыхнули где-то там в глубине, где положено находиться душе, какие-то уж больно сильные чувства ко мне.

С пресловутого первого взгляда.

И вот он полез вмешиваться – несколько раз приглашал меня на беседы и вразумлял, в мягкой форме намекая, что из Аркадия не получится мужа. Никакого – ни хорошего, ни плохого, он к такой ипостаси не приспособлен.

В общем-то я подозревала нечто такое, но сам Максим Васильевич мне не нравился категорически и вызывал далеко не добрые чувства, поэтому прислушиваться к его советам я не стала.

Накануне свадьбы Иваницкий снова попытался вразумить меня и отговорить от опрометчивого шага, для чего и приехал ко мне домой:

– Кира, он сделает тебя несчастной! – уговаривал Макс. – Вы совершенно не подходите друг другу. И как бы я его ни любил и ни был предан нашей дружбе, но должен предупредить, что Аркаша совсем не тот мужчина, который сможет оценить, какой бриллиант ему достался, и по-настоящему заботиться и любить тебя. Он на это просто не способен.

– Значит, буду наказана за собственную глупость и неосмотрительность, – пожалала я плечами.

– Кира! – произнес он с придыханием, шагнул ко мне ближе, взял мои руки в свои, заглянул в глаза и заговорил уговаривающим полупшепотом: – Ты же знаешь, как я к тебе

отношусь. И я не скрываю этого. Я стану тебе хорошим, достойным мужем. Я всегда буду защищать тебя и ограждать от любых сложностей и неприятностей. Я же...

Но я перебила его, выдернув свои ладони из его рук:

– Максим, завтра я выхожу замуж за Аркадия. Мне кажутся неуместными твои признания в такой момент.

И выпроводила его из дома. Мягко, без скандала, сославшись на головную боль.

Ну, вот не нравился мне господин Иваницкий и настаивал необычайно, и ничего с этим я поделать не могла. Было в нем что-то такое... не могу определить, но в его присутствии я непроизвольно мобилизовывалась, контролировала свои слова и действия.

Такой вот человек, что и по башке ему дать тянет неудержимо, и так, знаете, от души, чтобы проняло, и вроде как и не за что!

Видимо, из-за моего завуалированного отказа и глубоких переживаний по этому поводу господин Иваницкий был единственным человеком на нашей свадьбе, который довольно сильно напился.

То, что я на самом деле сглупила с этим дурацким замужеством, я поняла уже на следующее утро. Даже не на утро, а посреди ночи.

Жених, получив официальный статус мужа, был наконец допущен до моего белого трепетного тела и...

И первая брачная ночь прошла для меня под удручающим девизом: «Абсолютное нето!»

Но Аркаша, провозившись со мной в постельных играх всю ночь, утром отчего-то выражал небывалый восторг, высказываясь в том ключе, что это была фееричная фантастика.

– Милая, ты была великолепна! – поглаживал он меня, посверкивая глазками. – Стоило ждать тебя сколь угодно долго, чтобы испытать такое невероятное удовольствие.

Какое там удовольствие? – недоумевала я.

Нет, не обижать же мужика совсем уж, и я ему подыгрывала, насколько хватало моей совести – не намного, честно признаюсь, но ахала в нужных местах, охала, постанывала и двигалась, где положено. Но без огонька и с большой ленцией от разочарования, а местами так и вовсе откровенно сачковала, напоминая дерево дуб.

Ну, березу, на худой конец. Но «дерево».

Не подумайте чего плохого: со всеми мужскими достоинствами у Аркаши все в полном боевом порядке.

Не в порядке было, видимо, что-то со мной. И я даже знаю, что именно.

Пришлось признаться самой себе: я серьезно напортачила со своей жизнью и совершила ошибку. И чего, спрашивается, не переспать с ним до свадьбы, тогда бы все сразу стало ясно.

Нет ведь не хотелось мне! Так может, стоило задуматься, почему не хочется? И голову включить?

Вообще, это рассуждения в пользу бедных – я прекрасно отдавала себе отчет, зачем вышла за Аркашу замуж, и теперь мне оставалось только уповать на то, что и на самом деле что-то там у меня с ним стерпит. Ну хоть на какое-то время. А пока приходилось исполнять обязанности жены и ложиться каждую ночь в постель, которую я себе так неудачно «постелила».

От немедленного побега и признания поражения меня удержало лишь то, что через три дня после свадьбы Аркаша вместе с Максом улетели в какую-то командировку по жутко «горящим» и важным делам.

Подозреваю, что неотложные дела специально придумал Макс, чтобы не надрывать свои нежные нервы, глядя на счастливого друга.

Ну а я тем временем занялась обследованием дома Аркадия, в который переселилась сразу же после свадьбы, работала и размышляла, надолго ли меня хватит.

Домик, надо сказать, оказался очень даже интересный – современный хай-тек, вписанный в природный ландшафт, множество стеклянных поверхностей, витринных окон и раздвижных стеклянных же панелей, ведущих в сад. А еще я сделала весьма неожиданные находки – например, тайные комнатки, правда, пустые, парочку сейфов, спрятанных за стеновыми панелями, а в гараже обнаружила три машины представительского класса. Но, что странно, этот дом производил впечатление несколько запущенного и нежилого.

Удивившее меня ощущение.

Аркаша с Максом вернулись, и пришлось снова изображать жену.

Довольно быстро мне эта роль надоела. Я поняла, что про «слюбится» и «стерпится» это категорически не мой вариант. Каждый раз, когда подходило время укладываться спать или отдаваться законному супругу среди бела дня, желание мое не торопилось, оставаясь в слабом возмущении на уровне: «отстань от меня».

Через пятнадцать дней после свадьбы я, тяжело вздохнув и дав правдивые оценки своим поступкам, самым мягким из которых было «идиотизм», по тихой сапе пошла в суд и подала заявление на развод. Что-то там наплела сердобольное про роковую ошибку и попросила развести нас поскорей.

А затем принялась обдумывать, как преподнести это известие молодому мужу. Как-то прямо у меня не получалось и криво тоже. Не скажешь же на самом деле в лоб – прости, родной, но в сексе ты меня совершенно не устраиваешь, а жить с тобой мне неинтересно и скучно!

Очень хорошо, только возникает один-единственный вопрос: а раньше, значит, что? Тебе было с ним весело? Ах, да, еще один вопрос – а что, до свадьбы никак не могла понять, что он тебя совершенно не возбуждает как мужчина?

Но я же говорю: имею право на ошибку! Переклинило что-то там в голове, бывает. А вот обижать Аркадия мне не хотелось.

И я решила отложить объявление до понедельника, как водится у нашего народа, начинать именно с этого дня недели, и объявила мужу, что мне надо на выходные поехать к бабушке, что-то она прихворала.

Да простит меня бабуля за эту ложь, дай ей Бог здоровья!

Как ни странно, Аркадий с легкостью меня отпустил и даже извинился, что не сможет сам отвезти по причине занятости.

– Может, ты со мной поедешь? – на всякий провокационный случай предложила я.

– Нет, не смогу, – опечалился он и, обняв меня примирительно, поцеловал в нос.

Терпеть не могу, когда меня целуют в нос!

– Ну, тогда я прямо сейчас и поеду, – вздохнула я и пояснила: – Ты же знаешь бабушку: она приказала быть!

– Да уж, – хохотнул Аркаша, – Ангелина Григорьевна – неординарная женщина.

– Что ж так мягко? – улыбнулась я, довольная, что могу слинять.

Я ехала в Рошино и думала о том, что каждый раз, когда я не слушаю деда и поступаю не так, как он рекомендовал – и получается какая-то фигня. Конечно, он прав: это моя фигня и мои ошибки, которые я имею полное право совершать. Как говорят англичане: «опыт – это то, что вы получаете, когда не получаете того, чего хотите».

Вот не дураки эти англичане.

Конечно, я учусь на своих ошибках и приобретаю уникальный, драгоценный опыт, да только кому он дался: каждый раз по башке обухом, нет бы слушать умных людей, глядишь, и стала бы счастливей.

Тем более что уже сто, наверное, раз проверено – дед практически никогда не ошибается! Чего проще – спроси его, прислушайся к толковому совету и...

Однако иногда я стою на своем, как это случилось с переездом из Москвы. В этом вопросе мы с дедом расходимся до сих пор, и я стою на своем, отказываясь обсуждать сам предмет моего побега.

А дурацкая свадьба с Аркашей – ерунда, с этим я справлюсь. Тут я вздохнула – придется пока потерпеть рядом бесполезно красивого и богатого мужа.

Вот ведь чувствовала, что из этой затеи не выйдет ничего хорошего, но пошла-таки у себя на поводу! – снова принялась ругать я себя, скривившись от недовольства.

Каждый раз, когда Аркадий меня обнимает или целует и тащит в постель, у меня возникает устойчивое ощущение, что я с ним занимаюсь банальной супружеской изменой... Такой гаденькой и подленькой!

– Прекрати! – одернула я себя в голос.

Но как ни кричи на себя, а похоже, получать удовольствие я могу только с одним мужчиной, с которым это невозможно.

– Вот именно! – напомнила я себе. – Невозможно. Все. Точка.

И тут совсем не в тему и некстати, или, наоборот, очень даже кстати, я неожиданно сообразила, что забыла захватить торт, специально испеченный моими кондитерами для бабушки и Зины, и свежую выпечку.

Я отругала себя с особым проникновенным чувством за все сразу и в частности за то, что отвлеклась на запрещенные самой себе мысли, от злости резко развернулась и поехала обратно – и торт, и выпечку я же домой привезла заранее.

Хорошо хоть уехала недалеко.

Загонять машину на участок я не стала, оставила возле ворот и прошла через калитку, с удивлением заметив, что возле гаража стоит Аркашин «Порше», муж же вроде собирался по важным делам до вечера в городе находиться.

Но мысленно отмахнулась – какая разница, дома он или в городе.

А в большом холле, на консоли у входа я увидела дамскую сумочку и сразу что-то заподозрила, скорее почувствовала возможное...

И напрямиком – но тихо-тихо – направилась в нашу спальню.

При приближении к спальне серебро моих подозрений переплавилось в золото факта – в коридоре были разбросаны мужские и женские вещи, а из комнаты доносились совершенно определенные звуки, как правило, сопровождающие жаркий акт совокупления.

Наверное, ни одна жена на свете не испытывала такой радости и облегчения, как я в тот момент, застав мужа в постели с другой женщиной!

Я вошла – нет-нет – не ворвалась, поскромничала! Тихонько вошла и даже снимала на смартфон эту бытовую порнографию, отчасти для развлечения, а по большей части в качестве доказательства супружеской измены на будущее.

Дождалась достижения парочкой апогея, и только тогда обозначила свое присутствие, скромно кашлянув.

– Кира?! – дернулся всем телом Аркаша, подскакивая с девицы. – Ты разве не уехала? – не придумал ничего более он.

– Здравсте, – поздоровалась я с барышней, чуть сдвинувшись в сторону, чтобы увидеть ее за торсом растревоженного не на шутку Аркаши.

Так вот, значит, с кем он амурничает.

Я видела ее несколько раз. Мне эту девушку Аркаша представил как одного из своих секретарей-референтов. Мы даже как-то вместе обедали в моем кафе. Я еще тогда, помнится, подумала, что для референта она несколько туповата, а для фирмы такого уровня, как Андрева, так и непростительно туповата. Но, может, у нее иная, скажем так, более прикладная,

«горизонтальная» задача по «работе» с важными клиентами и партнерами? Интеллектом девушка не блистала, обходилась искусственной красотой – судя по накачанным губам и явному тюнингу лица и груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.